

130

К небу высокому

ПОВЕСТЬ

*Нонна
Орешина*

Нонна Орешина родилась в Москве. Живёт в Казани. Окончила Казанский химико-технологический институт. С 1969 года – член Союза писателей СССР.

В качестве спецкора военного отдела редакции газеты «Правда» опубликовала десятки очерков о лётчиках ВВС и ВМФ, познакомивших её со всеми видами боевого применения и высшим пилотажем, о вертолётчиках, инструкторах, курсантах лётных училищ, авиационных психологах и лётчиках-испытателях.

В Лётной книжке Орешинной зафиксировано более 800 полётов на 36 типах летательных аппаратов, в том числе – сверхзвуковых истребителей, бомбардировщиках, боевых вертолётах, самолёте-амфибии. Нонна Николаевна – единственный человек в мире, летавший с лётчиком на самолёте вертикального взлёта (с палубы корабля).

Н. Орешина – автор художественных и документальных книг, изданных в Москве и Казани. Заслуженный работник культуры РТ, лауреат литературной премии им. М. Горького

1

До чего же бестолковое занятие – ждать, искать и догонять. Искать, пожалуй, самое муторное. Особенно когда дело касается деловых писем многолетней давности. Куда проще было бы с любовными... которых нет.

Она улыбнулась, вздохнула, pokrутила плечами, оживляя затёкшую спину, и снова наклонилась над грудой писем, сваленных на полу. Удобнее, конечно, расположиться за столом. Но где найти в квартире стол, который уместит сотни конвертов – обычных, с нарядными картинками и больших, с «шапками» учреждений на белом глянце или на плотной, словно армейская шинель, бумаге. До того, как не раскрыла папки, притулившиеся на антресолях, не достала большой свёрток, казалось, найти то, что надо, не составит труда.

И лишь когда всё это письменное богатство слов, мыслей и чувств рассыпалось по блестящему паркету пола, её охватила паника. Мимолётный испуг всколыхнул воспоминания, и почти четыре десятка лет по-настоящему яркой журналистской жизни, упакованной в памяти, словно на компакт-диске, развернулись зрительно-мысленной информацией. Города, учреждения, заводы – люди штатские; гарнизоны, аэродромы, самолёты – военные лётчики. Записные книжки, очерки в журналах, в центральных газетах и – письма.

«Это наказание мне за лень: надо было сразу раскладывать письма по годам и темам», – она перешагнула бумажный курган и, взяв детский стуль-

чик, уселась, решив, что не встанет, пока не наведёт хотя бы относительный порядок.

Муж, заглянув в комнату, хмыкнул, сказал с непонятной интонацией:

– Как у нас с обедом? Может, картошку почистить на всякий случай?

– Неплохо бы... – рассеянно ответила она. – Котлеты в холодильнике, не жаренные. Есть рыба под маринадом, если вчера не съели, и щи.

Она сдвинула письма, освобождая место и прикидывая, в какую сторону какие конверты класть, чтобы было сподручнее, и потом не запутаться.

«Только не дрогнуть, не начать перечитывать, – приказала она себе, – иначе уж точно не успею сдать материал в журнал и прибраться к празднику... Господи, какое казённое слово – материал, словно платье шить собираюсь».

То письмо, что искала, нашлось почти сразу. Она помнила голубоватый, конверт, обильно снабжённый марками с гербом Советского Союза и жирным штемпелем «Заказное». Там лежал документ, по которому можно уточнить дату памятной встречи с одним из видных деятелей страны. Тогда это была далеко не рядовая, но всего лишь очередная журналистская тема, теперь – история.

Ей приходилось писать разные «земные» статьи и очерки об интересных и знаменитых людях, о работниках производства и сельских жителях. Но заветно-трепетной была в её хлопотном журналистском творчестве тема авиационная.

В те далёкие семидесятые-восемидесятые годы журналистская братия не была столь многочисленной, всезнающей и всеядной. Официальная мысль топталась на подступах к Кремлю в строго очерченном круге проблем, в рамках «можно–нельзя», достаточно относительных и при желании подвижных. Она не толкалась в перенаселённых темах, избегала торных дорог. Её притягивала целина, пахать которую труднее, но зато какой простор, какие возможности для резвости мысли! И человек в его профессии, которая формирует Личность. Особенно, если место работы человека – Небо, а орудие труда – самолёт.

Отложив нужный конверт, она окинула взглядом замершие в ожидании письма. Перебирать их теперь смысла не было, но что-то мешало рассовать по папкам и отправить на антресоли, расставаясь надолго, а может, и навсегда...

«Сжечь – рука не поднимется, родным – ни к чему, в архив сдать – чужим глазам на растерзание», – забытое казалось уже ощущение близости с мало-знакомыми, но доверившими ей свои мысли и чаяния людьми, которое испытывала раньше, спеленало грустью и кроткой радостью. Так бывает, когда встречаешься с человеком когда-то хорошо знакомым, с кем пережиты события, которые, казалось, забыть невозможно. Но время–лекарь не только залечивает раны. Оно коварно: стирает воспоминания, которыми надо дорожить.

Ещё в молодости она убедилась в том, что в письменном общении есть своего рода жестокость: отставание по времени может сделать бессмысленными любые слова. Письма, как потухшие звёзды, свет которых ещё виден. Но если звезда перестала гореть, это ещё не значит, что она исчезла. Возможно, превратилась в планету. Поток незримых связей соединяет души, запоздалый ответ согревает сердце и уже ненужный совет все равно помогает жить.

Присмотревшись к тому, что лежало на полу, и обречённо вздохнув, она

снова принялась раскладывать конверты. Письма от случайных читателей – в одну сторону, деловые, по размерам конвертов – в другую. От знатных людей, от лётчиков, от собратьев по перу журналистов и писателей – всё отдельно.

С курсантами переписка за много лет, обратные адреса сначала лётных училищ, потом воинских частей. Проблемы, откровения, вопросы... Почерк твердеет – мальчики становятся мужчинами. Растёт лётное мастерство, число звёздочек на погонах, уверенность в себе. И уже они отвечают на её вопросы, которые касаются проблем, возникающих в небе и всё чаще на земле.

Курсанты начала девяностых... Не в лучшее время они мужали. Только-только расправили крылья, как распад страны сломал, перекроил судьбы. Слезы выступали, когда читала, как «списывали в утиль» уже оперившихся орлят...

Письма от лётчиков – командиров и рядовых, с кем летала, вызывала на откровенность, пытаюсь понять слагаемые лётного мастерства. Многие в расцвете таланта и сил оказались на пенсии. Недобрая воля, покалечив страну, разбросала всех, и письма иссыхали, словно кровь вытекла из тел. Лётчик живёт, пока летает. Списанный на землю, он редко находит в жизни новый смысл.

Она почувствовала: заложило уши, значит, подскочило давление. Стыдно сознаться, что надвигается старость, а делать вид, что не замечаешь – глупо. Как уравновесить ощущения поизносившегося тела и чувства нетленной души?

Мысли текли неспешно. Некогда развитое чутьё дремало, ничто не предвещало сюрпризов. Руки раскладывая конверты в отдельные стопки. Они высились башенками, грозя рухнуть, приходилось пристраивать новые стопочки рядом, словно выкладывать стену, за которой можно сберечь воспоминания.

Как странно устроена память... Фамилия, имя – код, которым открывает-

ся чей-то образ. И видела человека лишь при краткой встрече, но в памяти остались выражение глаз, манера говорить, слушать, и какая-то необъяснимая энергетическая суть, ядрышко личности, в котором сплавлено всё и сохраняется в памяти от первого знакомства до заключительных строчек последнего письма.

В авиации избегают слово «последний», оно несет в себе трагический смысл. Но разве не трагично, когда обрывается то, что тянулось цепочкой откровений и хранится в душе сложной мозаикой волнующих чувств.

Когда-то она мечтала написать роман. Само слово «роман» казалось патриархальным и вызывало чувство отторжения, ассоциируясь с любовным треугольником, военными баталиями или рассудочной занудностью начитанного автора. Возникало ощущение лубочно-лакированного, обтекаемо-округлого и горько-сладкого. А ей хотелось колючего, в клубке противоречий житейски-деловых, с чередой зависимостей, с закономерностью поворота судеб. И всё на материале авиационном, способном вместить несочетаемое и необъятное: обособленно замкнутый, ни с чем не сравнимый по нагрузкам физическим и нервным скоротечный мир полёта, настороженно молитвенную жизнь лётных городков и фантастическое сочетание Земли и Неба.

Хотелось разгадать тайну человека неистово, фанатично стремящегося в безбрежье многомерного, загадочного пространства, которое завораживает всех, но одних ломает, истощает опасностью, а в других оттачивает характер, формирует личность, насыщая энергией Космоса и чем-то ещё, определению пока не поддающемуся. Но именно это превращает Землянина в Небожителя с новым мироощущением и миропониманием. Загадка души человека в Небе, его чувственной сферы, его духовности... Загадка лётного таланта – дара Божьего. Сколько психологов и философов безуспешно билось над решением её!

Сейчас у ног, рассыпавшись на страницы и строчки, лежало с десятков так и не написанных ею романов: журналистская текучка, житейские проблемы, муж, дети, внуки. А теперь – возраст. Стоит ли ворошить прошлое, мучая себя неосуществлёнными желаниями, если понимаешь – уже не успеть... Если бы знать от рождения свой срок пребывания в этом мире и время ухода в небытие, можно было бы распланировать годы, прикинуть возможности и степень желаний, использовать способности. Все успеть, достигнуть и, насладившись плодами своего труда, удовлетворённо сложить на груди натруженные руки.

А вновь стремиться в творческий полёт, зная, что можешь без сил упасть на взлёте или когда наскребёшь высоту... Писать – значит уходить в себя как в небо, отстраняясь от всего, испытывая сладостную муку душевного экстаза и нервную дрожь нетерпения. Ходить беременной плодами своего вдохновения, вынашивать духовное дитя, трепетно оберегая его от любых помех и опасностей, невольно ненавидя всех, кто этому мешает...

– Картошка сварилась, котлеты жарь сама, – крикнул из кухни муж.

Что-то насмешливо прощебетала внучка.

Когда смысл слов дошёл до сознания, она встала и хотела перешагнуть конвертный сугроб, но поставить ногу мешал пакет. Она подняла его и с удивлением обнаружила, что адреса на пожелтевшей от времени обёртке нет, обратного – тоже. Поискав глазами и не найдя ножниц, взяла бритву. Тонкое лезвие с легким скрежетом вспорол обёрточную бумагу. На мгновение показалось, что препарирует живое существо, и ознобом свело плечи.

В пакете оказались распечатанные конверты и листы бумаги, сложенные вчетверо. Развернув один, она присмотрелась к незнакомому почерку. Колючий, размашистый не вширь, а в высоту, с росчерками у хвостатых букв, в единой связке. Достаточно опыта графолога-любителя, чтобы угадать харак-

тер. Самолюбив, сдержан. Ироничен. Такие трудно идут на разговор с журналистом: врать не хочется, а правду не скажешь, если затронут вопрос, для которого в государстве существует стандартный ответ... Из целостного «портрета» выбивались витиеватые заглавные и затейливые шапочки над рядом букв.

Обращение полуофициальное – «Здравствуйте...», её имя и отчество. В конце длинных, на нескольких листах писем стояла неразборчивая размашистая подпись. Ни нумерации страниц, ни дат, ни обратного адреса на конвертах.

Она глянула на случайный текст, пытаюсь схватить хотя бы суть, но на первой же фразе споткнулась: аккуратный почерк оказался непробиваемым.

Лёгкие, торопливые шаги, дверь с шумом распахнулась. Плутоватые глаза внучки с восторгом воззрились на беспорядок в комнате.

– Ради Бога – ни шагу вперёд! И ничего не трогай... – она торопливо вытеснила внучку в коридор и вышла сама, плотно закрыв дверь.

Пока жарила котлеты, разливала по тарелкам суп и ела, невпопад отвечая на вопросы, мысли возвращались к безликому пакету, непонятно как попавшему к ней, судя по всему, давно. Недоумение рождало самые нелепые варианты, но вывод напрашивался единственный и грустный: стала подводить память.

Вымыв посуду и отправив деда с внучкой на обязательную прогулку, она вернулась в комнату. За время её отсутствия здесь ничего не изменилось. Безымянные письма терпеливо ждали, когда их прочтут.

Февральский день ещё короток, и сумерки уже прокрались, забились в углы, лишь небо за окном продолжало светиться отблеском увядающего заката. Поколебавшись, продолжать ли разбирать письма или заняться содержимым таинственного пакета, она сделала среднее: поставила настольную лампу на пол и села на стульчик. Свет

очертил солнечную лужайку, в ярком сиянии его буквы на листах казались крупнее и неожиданно легко складывались фразы.

«Командиру в/ч ...» Фамилия вырвана, уголок бумаги словно откушен. В центре следующей строки стояло лаконичное: «Рапорт». Ясно – это черновик.

«Докладываю, что во время полёта на УТИ МиГ-15... (дата тщательно заштрихована) в качестве инструктора мной было нарушено полётное задание. Нарушение выразилось в выполнении фигур сложного пилотажа и снижении на высоту 200 м. Нарушение совершено сознательно и никаких оправдательных мотивов не существует. Понимая тяжесть проступка и размеры возможных оргвыводов командования, прошу ходатайствовать о сохранении за мной права служить на лётной должности.»

Как головой – в омут... Так мог написать лишь понимающий свою вину, но не кающийся человек. Подпись с фамилией и званием лётчика оторвана одним решительным рывком. Все правильно – это неизбежная дань военной цензуре.

Она надела очки и поднесла лист ближе к свету. Сквозь плотную штриховку смутно просматривались цифры – число, месяц и год.

«Где я была в это время? В какой лётной части?» – она напрягла память.

... Военный аэродром раскинулся рядом с лесным массивом. Невдалеке, за стоянкой сверхзвуковых истребителей-перехватчиков, виднеются деревья. И дома городка построены среди берез. Там она была дня два. Тема конкретная, времени в обрез, герой очерка – командир полка лётчик-снайпер открыт и разговорчив. Погода хорошая, полёты в самом разгаре. И никакой формальной волокиты: прилетела с командующим, отбыла на транспортном самолёте прямым в Москву. Очерк удался и был признан лучшим материалом месяца.

Она не помнила, чтобы тогда кто-нибудь говорил о нарушении. Хотя, судя

по дате, это случилось позже... Да и кто же будет делиться с заезжим корреспондентом, каким бы он ни был «спецом», мелкими неприятностями? Большими – тем более, если их удаётся скрыть. Только не от неё... Она просто и быстро сходилась с лётчиками и техниками, дотошно вникала в их работу, знала, что можно, а что нельзя писать, и ей доверяли.

Записная книжка тех лет нашлась сразу и страничка, отведённая этой поездке, открылась сама. Несколько фа-

милией из числа командного состава полка, краткие биографические и послужные данные лётчика, о котором предстояло написать, имена его детей, жены. Довольно большое интервью о полётах и службе, но ничего лишнего – требования спецрежима не забывала.

Не будучи любительницей кроссвордов и ребусов, она превыше всего ценила ясность во всём, а потому неизвестность начала раздражать. Торопливая вязь слов заманивала непонятно в какие дебри, где ей уже нечего было

искать. И она не спеша, приблизила к свету следующий лист, сделанный под копирку.

Объяснительная записка от ... (Фамилия и число старательно стёрты).

«В субботу ... я был запланирован с начала лётной смены в качестве инструктора с капитаном... (на стёртом месте явно проступала лишь буква Д) на контрольный полёт в зону на простой пилотаж. Полёт выполнялся по графику подготовки инструкторского состава на УТИ МиГ-15. Капитан Д. имел большой налёт, но не летал на этом самолёте в течение трех лет.

Задание на полёт соответствовало заданию, обычно выполняемому на МиГ-23, то есть было конкретным. В процессе руления, взлёта и полёта в зону я понял, что навыки в пилотировании у капитана Д. прочные. Понравилось его выполнение виражей с креном 30, 45, 60 и двух комплексов пикирование – горка. Высота в зоне составляла 2500м. Но поскольку я удерживал обороты на номинальном режиме, считая, что ни к чему форсировать двигатель, то во время этих комплексов происходило снижение.

Манёвры на УТИ МиГ-15 скоротечны и поэтому после выполнения задания в зону шла всего 16-я минута. Мне показалось нелепостью урезать запланированное время полёта, которое работало на подготовку лётчика.

Далее, уже в нарушение задания, мы выполнили пикирование–боевой разворот; пикирование–боевой разворот по типу «косой полупетли»; снижение с разгоном скорости до 700 км/ч и петлю; снова разгон и – полупетля. Выполнялись фигуры без перетягивания ручки на перегрузке 4–4,5. Скорость в верхней части петли была 310 км/ч. Высоту в нижней точке менее 230 м на приборе я не видел, хотя тщательно контролировал все параметры. Органы управления, особенно при выполнении сложных элементов, не бросал, корректируя выдерживание параметров полёта и чистоту выполнения фигур.

На 23-й минуте, по радио командиром, который находился в воздухе, нам была дана команда закончить задание в зоне. Мы выполнили виток спирали с набором и пошли на привод, зашли по системе «с прямой», произвели посадку. Капитан Д. в процессе всего полёта показал высокое качество пилотирования.

И уже запомнившаяся, закрученная с размаху, подпись.

Она прикрыла глаза, откинулась на низкую спинку стульчика и увидела, ощутила прозрачную голубизну и дозвуковой, но достаточно грозный учебно-боевой истребитель. Он шёл в высоту, запрокидываясь в верхней точке, и фонарь кабины застилала зелень леса. Перегрузка отпускала тело, звук двигателя стихал и, проскочив высшую точку «мёртвой» петли, самолёт плавно скользил к земле, красиво заломив назад серебристые крылья.

И вновь, резко отстраняясь от крон деревьев, в решительном изломе истребитель уходит в высоту. Перегрузка властно, по-мужски впечатывает в катапультное кресло тело. Словно отвечая грубой ласке, оно напрягается каждым мускулом, каждой жилкой ощущая жизнь. Чувство опасности заостряет сознание, заставляя руки на органах управления дозировать усилия с филигранной точностью. Потоки воздуха под плоскостями, фюзеляжем, на хвостовом оперении ощущаются то как упругие струи воды, то как пустота на грани пропасти, то словно твердеющая каменистая порода. Безразмерное пространство неба ликующе распахивается солнечной синью, и этот танец в безопорной среде кажется проявлением твоей собственной сути.

«Господи, как хорошо...» – она не поняла: сама или кто другой прошептал это. Лётчика, написавшего объяснительную записку, так и не вспомнила.

... Хлопнула входная дверь. Это пришла с работы дочь, прихватив с улицы внучку и деда. Слышно было, как они возбуждённо спорили по поводу котёнка, обещанного девочке ко дню

рождения. О дне рождения спорили тоже, а потому пришлось выбраться из своего уединения и вступить в разговор. Потом позвонил сын. Она передала трубку дочери: пусть вдвоём планируют, как встречать женский день, а сама хотела заняться ужином. Но, опасаясь, что муж, придя в спальню, ужаснётся затянувшемуся беспорядку, наскоро упаковала письма, стараясь не спутать отсортированные с теми, что еще предстояло разобрать. Если, конечно, когда-нибудь снова представится такой случай.

... Когда все, наконец, отправились спать и муж, забрав свежие газеты, улёгся с ними на кровать, она присела к письменному столу. Надо было ненадолго включить компьютер, вставить данные из голубого конверта в почти законченную статью, перечитать внимательно, кое-что поправить и распечатать на принтере. Утром отнести в редакцию и только тогда вздохнуть с облегчением. Но пакет с непрочитанными бумагами мозолил глаза. Она отодвинула его в сторону, однако боковым зрением видела белизну развёрнутых листов. Это мешало сосредоточиться, да ещё муж шуршал газетами, отвлекая от смутных воспоминаний, медленная и нечетко, как из-под тающего снега, проявлявшихся в мозгу. Память таких фортелей раньше не выкидывала.

– Долго будешь сидеть? – спросил муж и погасил над своей тумбочкой бра.

– Пойду на кухню, ещё чуток поработаю, – так и не дочитав статью, она выключила компьютер и сгребла письма вместе с пакетом.

– Да сиди... Только головку лампы опусти пониже, – голос мужа был уже сонный. Она щёлкнула кнопкой выключателя и на ощупь выбралась в коридор.

В кухне свет зажгла не сразу. Сквозь темноту, прильнувшую к стеклу окна, огоньки в домах на другой стороне проспекта казались низкими звёздами.

Свет фар свернувшей во двор машины ударил в глаза, в памяти всплыло...

... Ночь. Полёты. Аэродром бесконечен и тёмно. Редкие сгустки света сиротливо жмутся к земле. Это с высоты отчётливо видится жёлто-красный пунтир взлётно-посадочной полосы и голубые точки по краям рулётной дорожки. А когда стоишь внизу, лётное поле кажется бесцветным, безжизненным, пустынным. Ветер выхолаживает, студит, и только тёплые огоньки фонариков в руках техников вспыхивают, ползают, гаснут.

Внезапно ослепительно-голубая река расколола темноту. В свете прожекторов посадки она почувствовала себя незащищённой, обнажённой. Истребитель, оцетинившись шасси, закрылками, будто серебристо-чёрный призрак, шёл, казалось, прямо на неё... Почти бесшумно скатившись по горке-глиссаде, он прильнул к полосе, и, словно пузырь в толще стекла, возник раздувшийся купол тормозного парашюта. И снова – темнота, но в ней живут самолётные огоньки. Зелёный – тот, что в её сторону, красного не видно. Нежно теплится фонарь кабины с тёмной каплей – защитным шлемом летчика. Рык двигателя, и перехватчик исчезает, чтобы всплыть минутой позже серой громадой на стоянке. Тревожно, как в прифронтной полосе. Наверное, поэтому она вздрагивает, когда за спиной раздаётся незнакомый мужской голос:

«Добрый вечер... Вас просят подняться на КДП...» – человек выше среднего роста, в руке защитный шлем. Лицо скрывает темнота.

Он довёл её до командно-диспетчерского пункта, открыл дверь.

«По лестнице, наверх. Дальше проводить не могу – сейчас мой вылет».

«Спасибо, дорогу знаю...»

«Мне нужно с вами поговорить. Вы улетаёте завтра?»

«Скорее всего, если будет самолёт».

«Тогда до завтра. Я вас найду», – он шагнул в сторону и растаял в темноте.

В комнате с остеклёнными стенами – зеленоватый полумрак от экранов локаторов. Негромко поздоровавшись с

людьми, сидящими возле них, она подошла к командиру полка – в ту ночь он руководил полётами. И хотя можно было вытянуть что-то ещё из героя своего будущего очерка, но эта комната – святая святых и отвлекать разговорами никого нельзя, она это знала.

«Стартовый ужин принесли, перекусите, – полковник кивнул на столик в углу, заставленный тарелками с чем-то вкусно пахнущим. И тут же, в микрофон: – Запуск сто седьмому разрешаю».

Со стороны стоянки послышался нарастающий рёв двигателя и знакомый, чуть изменённый ларингами голос, запросил разрешение вырваться.

«Выруливайте, сто седьмой, – и уже ей, поясняя: – замполит первой эскадрильи мастеров майор ...» – он назвал фамилию. Простую, от старославянского, полузабытого сейчас имени. Но какого!?

... Сердясь на себя, она отошла от окна, включила газ, поставила чайник. Воспоминания плыли сумбурно, динамичной картинкой событий и возникших в то время чередой чувств, с примесью сиюминутных, казалось бы, ненужных размышлений, без которых однако не получалось жить.

Дар вживаться в человека, в события, происходящие не с ней и даже не рядом, а где-то далеко, способность испытывать чужие переживания почти как свои, с отголосками боли, напряжения, надежды или отчаяния, был ниспослан ей от рождения. Воображение дорисовывало события с большей степенью эмоций и подробностями, чем описывал рассказчик. Чем мог додумать собственный мозг, суммируя накопленные знания, добавляя оттенки и тонкости чужой речи, и тот неуловимый, но осязаемый поток энергий, который идёт от человека, формируя вокруг него что-то вроде кокона, составляющего, как ей казалось, личностную суть.

Нельзя сказать, что дар этот был для неё особым благом. В обыденной жизни он доставлял порой немало хлопот и огорчений. Но, поняв сладость общения пера с бумагой, с годами на-

учившись доверять интуиции и призрачным, эфемерным ощущениям, она познала и наслаждение волшебным состоянием вторжения в чужую душу, в секреты мастерства специалиста, владеющего в высшей степени тем, что другим недоступно, неподвластно, неведомо. Поэтому и писала охотнее всего о человеке в его профессии.

Ещё в юности пережив, перестрадав и пригасив в себе избыток острой зависти и восхищения теми, кто неважно на чем, но самостоятельно летает, она получила возможность достаточно объективно и точно судить о людях, работающих в небе. А, погружившись в лётную тему, усвоила простую, но мало кому известную истину: человек, способный жить в небе, по сути личности своей отличается от тех, кто самой природой приписан к земле. Лётчик может как все быть условно плохим или хорошим, допускать бытовые и служебные ошибки, у него возникают перепады настроения, он обладает букетом недостатков и комплексов. Но всё это, окрашенное лётным талантом, находится на недоступном, не понятном бескрылым людям уровне, на грани постоянного, реального риска, в разной степени устоявшегося стресса, что придаёт иную значимость всему. И празднику – работе в небе, и будничной жизни на земле.

Запретив себе восхищаться вслух, она и писать научилась сдержанно, порой подчёркнуто беспристрастно, приглушая естественное женское обожание. Втайне она любила их всех преданно и безгрешно. Но если переполненная чувствами душа была готова взорваться от накала эмоций, то ум контролировал слова бдительно, охлаждая, урезонивая, заставляя раскладывать впечатления по полочкам, отводя романтическим всплескам дальние уголки сознания. Она дерзнула влезть в суровую, сугубо мужскую профессию, и женским восторгам, страхам, желаниям здесь не могло быть места.

... В ту, почти забытую уже ночь на аэродроме, она сидела перед экраном

локатора, вслушиваясь в негромкие приказы с командного пункта наведения и лаконичные ответы лётчиков. Зеленоватый, в светящейся сетке линий и туманных контуров, в хаотичном мельтешении помех экран локатора вспыхивал и угасал под бегущим по кругу лучом, от которого взблёскивали метки самолётов. Та, что была за цель, ползла, неуловимо меняя направление, три других метки наикратчайшими путями шли на её перехват. Находившаяся дальше всех была меткой Его, «сто седьмого», ракетноносца, иглой вспоровшего ткань неба.

Необъяснимо, странно и в то же время привычно сосредоточиваясь, словно вбирая тело и сознание в центр себя, сама становясь лучом, она проникла в искру жизни, пульсирующую за сотню километров отсюда в чёрной звёздности неба и отдалённых земных огней. И не здесь, в предметном, устоявшемся мирке командно-диспетчерского пункта была для неё сейчас реальность бытия, а там, за скользящей, лишь относительно прочной обшивкой истребителя, в условно-надёжной кабине, в красноватой подсветке приборов, в эпицентре напряжения всех чувств. На грани другого мира, дружественного или враждебного – всё зависит от стечения невнятных причин, сплетения непредвиденных следствий.

Этот высотный слой неба уже не принадлежит земле – Космос ближе. И скорость, когда вне кабины не за что, кроме звёзд, зацепиться взгляду, казалась бы нулевой, не будь напряжённой дрожи самолёта и ощущения затвердевшего воздуха на рулях, в котором словно со скрежетом продирается самолёт; не будь приборов, стрелки которых движутся, вздрагивают – живут.

«До цели пятнадцать... десять...» – голос штурмана наведения с командного пункта напряжён и приглушён в наушниках. Теперь он и лётчик – единое целое, выполняющее общее осмысленное действие. На зеленовато светящемся экране индикатора прицела появляется отметка цели, и глазами

лётчика она видит это ещё нечеткое, световое пятно. Его-её рука осторожным движением ручки управления самолётом подводит отметку цели к нулевому азимуту. Его-её палец нажимает кнопку «захват». Ярко вспыхивают символы захвата цели бортовым радиолокатором – автосопровождение есть!

«Не упустить! Форсаж – полный!..» – в Его-её ладони рычаг управления двигателем перемещается вперёд. Турбина уже не гудит, а ревет на пределе.

Внезапно заметались, словно в испуге, и притихли стрелки приборов, начав отсчитывать уже сверхзвуковые скорости. Голос двигателя сгладился, ускользая назад. Но всё это вторично, в подсознании... Главное сейчас – метка дальности, окольцевавшая уже чётко обозначенную цель – истребитель «противника». Она вошла в зону разрешённых пусков, и на завершающей прямой атаки нельзя резко вздохнуть, нельзя моргнуть, нельзя сделать малейшее неточное движение.

Его-её палец откидывает скобу боевой кнопки. Оранжевая лампочка вспыхивает над прицелом – пуск! В реальном бою ракета, рождая сноп искр, в слепящем белом пламени сошла бы с направляющих. Сейчас – лишь вздох облегчения, мгновенного, но не ослабляющего – цель «сбита»!

Его-её рука делает заученное движение – ручка управления идёт «на себя» и в сторону, истребитель в боевом развороте резко набирает высоту, и перегрузка мгновенно вдавливают Его-её тело в катапультное кресло. Это как завершающий, победный аккорд дальнего боя... Но до аэродрома – родной гавани, которая с готовностью примет самолёт, еще далеко. Зато Она, легким усилием воли, может вернуть себя в тёплый полумрак комнаты, похожей на тлеющий фонарь, застывший на семи аэродромных ветрах.

Медленно, словно после реальной перегрузки, она распрямляет спину, плечи, шею. Душе и фантому её тела уже не терпится отслоиться от Его души, от него самого, так и не узнавшего, что на

сей раз летал не один, а с благодарным напарником.

Утро следующего дня было пасмурно. Высотный домик, где хранятся гермокастюмы лётчиков, прикрывал от ветра, но всё равно одолевал холод.

Молодой майор с фамилией от старославянского имени, с первого взгляда ей не понравился. Насуплено всё – брови, длинноватый нос, крутой подбородок, широкий лоб с наползающим ёршиком волос. Глаза колючие, насторожённые, чуть насмешливые – расстрельные глаза. Голос негромкий, но резкий, напористый, говорит, словно заранее спорит. Светлый комбинезон – значит побывал за границей, где-то там, на юге... Спросила. Так и есть – в Египте.

«Мы первые и единственные, кто воевал там по-настоящему. Остальные за деньгами ездили. А нам как техникам платили: какая-то финансовая путаница и утрясти её никто не удосужился», – вспомнилось почти слово в слово.

Писать об участии советских лётчиков в арабо-израильском конфликте начала семидесятых в то время было нелегко, и она спросила о его призвании как политработника. Он бросил на неё внимательный, со скрытой насмешкой взгляд и ответил подчеркнуто вежливо, словно отстраняясь от собеседника:

«Это не моё... Замполитом эскадрильи стал там, в Египте: трудно было, условия исключительные. Уговорили. Пришлось взять на себя...»

Он так и не сказал, ради чего искал встречи. Не решился, раздумал или не успел? Самолёт, который должен забрать её в Москву, уже заходил на посадку.

«Напишите при желании. Отвечу», – она протянула ему свою визитку.

...Память всегда представлялась ей чем-то вроде сот, куда мысли, как трудолюбивые пчёлы, закладывают свою пищу – впечатления. Пришло время распечатать ячейку – напряги ум. Но эта

ячейка запечаталась так, что открыть её не получалось... Что-то заблокировало память, стёрло подходы и лазейки, возможно, к неприятной теме? Но неприятных, тяжелых тем было в её жизни достаточно, и ничего – пережила, перемаялась. А тут такие непонятные фокусы.

Хотелось выпить чёрного кофе, но позволить его себе она не могла. Заварила чай покрепче. Всё равно ложиться спать бесполезно – не уснуть.

Непронумерованные страницы перепутались и она, прихлёбывая из чашки, начала читать ту, что лежала сверху. Кое-где сделаны пометки карандашом, значит, все это она когда-то просматривала.

«...Если мне что-нибудь и нужно в смысле успехов, то лишь как кирпич, чтобы дотянуться до более высокой и умной жизни. Всё остальное бессознательный идиотизм. Потому что понятие слова, если пережёвывать его бесчисленным «зачем» и «почему», распадется на ряд округлых и пустых фраз, почти с животной, петушиной сущностью. Да здравствует жизнь и то прекрасное чувство, которое бывает, когда ощущаешь себя на её стремнине!» – строчки дались неожиданно легко и поразили напористой прямоотой, какая возможна лишь как продолжение давно и откровенно начатого разговора.

Она ещё раз перевела взгляд на начало страницы. Нет никакого сомнения, письмо адресовано ей. Но о чём идёт речь? По какому случаю такие эмоции?

«...Между прочим, сию «под топором» и ощущения испытываю совсем отличные от тех, что описывал выше. Бес дернул отпилотировать в зоне над нашим профилакторием, а там были в это время высокие начальники. И вот теперь отстранён от полётов... Впрочем, когда это письмо дойдет до Вас, мне уже насуют «под дых», и я даже успею воспрянуть к жизни, так что не сочувствуйте. Но по нынешнему времени за «воздушное хулиганство» судят здорово, так что спектр последствий весьма обширный...»

Небольшой отступ в письме и чуть изменившимся почерком:

«...Письмо прервала комиссия. Разбирались в моем «хулиганстве». Давлю в себе панические настроения, но на душе всё равно прескверно. Теперь, поскольку я вряд ли буду летать на этой неделе, закончу свой опус и дня через два pošлю Вам. Надеюсь, что с собой совладаю и не здорово вылечу из колеи».

Подпись размашистая, из двух, входящих друг в друга букв.

...Как-то так получалось, что люди, иногда едва знакомые, тянулись к ней в минуты душевного смятения, бытовой неустроенности или служебно-карьерных передрыг. Иногда с дальним прицелом, но чаще без фальши, которую она, с её умением вслушиваться в человека и улавливать тончайшие нюансы чужой души, чувствовала сразу. Больше всего не хотелось превращаться в ложку, которой удобно черпать пищу из котла общественного признания.

Это был явно другой случай. Изначально приют искала душа. Душа ранимая, насторожённая и тоскующая, как ни странно это для молодого мужчины и боевого лётчика, успешного повоевать в «горячей точке» мировых страстей, и выжить в закономерности и хаосе сверхскоростей и сверхперегрузок ближних воздушных боев на сверхзвуковых истребителях. Души одинокой или непонятой, раскрывшейся перед ней доверчиво и нараспашку не как женщине, что бывало, не как журналисту, что случилось чаще всего, а...

«Сначала надо понять – «почему»?..» – она заметалась, хотя осталась сидеть неподвижно, но команда «поиск!» активировала мозг, все его клеточки, ячейки памяти и залежи чувств. – Господи, я, кажется, начинаю превращаться в компьютер! – мысль ужаснула, рассмешила, сняла напряжение, отчего и решение пришло совершенно простое: – Надо найти самое первое письмо».

Конверт был, как и остальные, без

обратного адреса и, судя по штемпелю, послан вскоре после её отъезда из части.

«Здравствуйте... (далее стояло её имя и отчество).

Долго сидел над листом бумаги, борясь с собственной трусостью. Кроме непривычности самого дела, стеснения перед Вами, здесь еще есть и боязнь разрушить столь лелеемую мечту, мечту писательства. Это можно назвать своего рода идеализмом. Мечтаешь о том, что когда-то начнёшь обязательно писать, и это кажется выполнимым, реальным настолько, будто держишь в руках готовую книгу, а за спиной шевелятся крылья славы. Ничего, что никто этого не видит. Главное, самому знать это. Отсюда счастливая полноценность жизни, смелость жить. А неудачи... Это значит, что мечты уже нет, а есть только тяжкий труд, чаще всего сизифов.

Вы не задумывались над тем, как человек засыпает, о чём он грезит в тот момент, когда погружается в сон, слаще которого нет ничего на свете? Ведь чтобы задремать, он должен думать о чём-то спокойном, счастливом, иначе не заснуть. Вот где, наверное, самое сокровенное человека, его суть, от чего можно шагать в понимание и воспитание его...

А я вот чаще всего думаю о Кубе. Что там уже есть, что там нужно построить, чтобы осуществить идеальную, образцово-показательную жизнь, один пример которой сделал бы больше, чем сотни тысяч отданных на алтарь революции человеческих судеб, замученных и расстрелянных.

В детстве думал о колонии Росс. Была такая коммуна, основанная Г. Шелиховым в Америке – Планировал там поселение утопического коммунизма...

Стремительно пролетают дни. И сейчас потерь намного больше, чем находок. Раньше, вывернутый наружу всеми органами чувств, я болезненно чувствовал весну. Особенно вот эту, апрельскую, буйствующую пору. Что-то в ней яростное, неудержимое.

Жизнь лезет через все поры, пробивая асфальт и самую предельную занятость. А сейчас я только пытаюсь подтолкнуть себя к тому, чтобы видеть это, временами вспоминая, что это ведь весна...»

Обратная сторона листа была абсолютно чистой. Оборвалась мысль, и рука не пожелала писать дальше. Даже прощальных слов не было. Только подпись.

«...мечта писательства...» Она сидела оглушённая, разом вспомнив всё, словно в полутёмной комнате, где бестолково натыкалась на предметы в поисках непонятно чего, зажёгся свет. И находка, лежавшая теперь перед ней, ничего, кроме застаревшей, беспричинной боли не вызывала. Даже не боли, скорее – досады. И не досады, а недовольства собой. Похоже, это был тот единственный случай, когда она, не зная, как поступить, запечатала проблему вместе с письмами и человеком в безымянный пакет и отложила его подалше.

Причина на то была, хотя сейчас, спустя три десятка лет, не казалась достаточно веской... Она покопалась в душе, но там все молчало. Присмотрелась к себе, прежней, придиричиво – да нет, в невидимом, но осязаемом барьере, который она ставила между собой и героями своих произведений мужского пола, трещины не было.

Ох уж этот барьер, дававший ей независимость! Были моменты, когда его приходилось наращивать и утолщать. Иногда это выглядело нелепо, даже глупо. Но то был единственный способ, дававший возможность спокойно, без пересудов и помех, существовать в пространстве, отведенном только мужчинам. Позволить себе любовное приключение, даже мимолётную страсть и жить под страхом разоблачения, под гнётом вины, с сознанием того, что будет она как все – очередная и далеко не последняя... Нет, это было не для неё! И, угнетая свою женскую плоть, она получала исключительное моральное право вторгаться в мужские

души, изучать их глубинную суть, копаться в таинстве знаний и причинах преданности Небу. Разговаривая на равных без скидок, исследовать деловые мысли, которые без притворства были интересны ей. Наслаждаться откровением, какой-то сладостной властью ума и тем драгоценным теплом подлинного уважения, каким одаривали её мужественные люди. И увозила она с собой не только блокноты, исписанные словами, а клад знаний, впечатлений и чувств. Преображая её собственную душу, они рождали очерки и статьи, которыми можно было гордиться.

Это было прекрасное, ни с чем не сравнимое время упоительной, безмятежной свободы от суестьных, обывательских желаний, от эгоистичных переживаний, полная независимость от тех, кто хотел бы обоснованно или несправедливо в чём-то её упрекнуть. Она могла позволить себе встречаться где угодно и с кем надо, на то количество времени, которое требовал откровенный, деловой, на грани личного, разговор. И надо было точно определить эту тонкую, подвижную грань, мягко сохранить дистанцию, и держать себя так, чтобы собеседнику и в голову не пришли слова, после которых обоим станет неловко...

...Мелодичный бой настенных часов возвестил, что уже четыре часа ночи.

«Надо ложиться спать, – приказала она себе, но вместо этого сварила кофе. Подумала: – Неплохо бы немного коньяку или водочки», – чего даже в молодости редко себе позволяла. Исключения составляли юбилеи и похороны. Последних, в уже более поздний, прекрасный и трагический период её работы у лётчиков-испытателей под Москвой, было больше.

Спасаясь от тяжёлых мыслей, она торопливо развернула лежавший без конверта лист. Вверху стояло привычное «Здравствуйте...» И с ходу, как продолжение прерванного разговора:

«Надо мною продолжает твориться аутодафе. Сегодня вlepили на

парткомиссии строгача с занесением... Завтра еду на расправу в дивизию.

Но суть не в этом. Предлагаю Вам сюжет, где, надеюсь, Ваше вдохновение будет подогрето в какой-то степени сопереживанием... Но это, конечно, исключительно в форме предложения. Не дай бог более. Я слишком дорожу дружбой с Вами. Поверьте, это действительно так.

Рассказ может называться «Чрезвычайное происшествие». Я Вам дам дневниковую запись моей жизни этой злосчастной недели. Постараюсь собрать максимум материала об основных участниках событий. Сделаю робкую попытку расшифровать то, что они могут думать, но здесь, по-видимому, основная работа за Вами. Я не сумею... Таким образом, предлагаю делать где-то ближе к документальному изложению и подвести читателя к пониманию сложности, к противоречивости дилеммы: «боеготовность – безопасность полетов». За небольшим исключением, обо всем этом нужно писать открыто, смело. Только тогда это всё зазвучит, станет по партийному острым и злободневным. За меня не беспокойтесь. Я проиграл эту игру. И вряд ли проиграю больше. Но зато ВВС впервые получат не красивую вещь об экзотике полётов, а то, что схватит за душу, если в ком ещё жива профессиональная честь. И если, конечно, всё это у нас получится.

P.S. Обстановка у меня все хуже и хуже. Разговор идет о снятии с должности. Пытаюсь локализовать все в пределах соединения. Если это не удастся, испытательства мне не видать. А жаль. Если бы не это, в сентябре я уже купался бы в Волге...

Намёк был понятен: в низовьях Волги существовал Испытательный центр, где отрабатывалось, изучалось, испытывалось... Что именно – нетрудно догадаться: новые типы самолётов после испытаний на фирме, где определялись жизнеспособность и лётные качества их, надо было учить воевать. Как? – об этом она знала лишь понаслышке, из расска-

зов строевых лётчиков, которые и сами толком ничего не ведали – тайна за семью печатями. Попасть «на Волгу» – мечтать об этом мог только опытный, одарённый летчик. И Он им был...

Она прижала пальцы к вискам. В последнее время стала часто болеть голова. Боль подбирается крадучись и надо успеть её приглушить, иначе дойдет до мигрени. Она не умела хворать, не любила лечиться, не терпела лекарств и жалости к себе, считая, что от этого пропадает жизненная сила. Но теперь не поленилась встать, достать из аптечки валидол мужа и положить таблетку под язык, хотя при головной боли надо было выпить что-нибудь другое.

«Так что же произошло с ним, со мной – между нами?» – валидол приятно холодил во рту, тупая боль в висках нарастала.

Она любила всегда и во всём выкладывать фундамент из истин и доводов. Даже тогда, когда надо было построить не «здание», а всего лишь «шалаш». Сейчас намечался «каземат», но прежде, чем почувствовать стыд осуждённой, стоило во всём разобраться: смятение чувств было неожиданно и неприятно.

«Человек, частная проблема и общая. Ещё моя... С собственной разберусь потом. Проблема лётчика – понятна. Надо сосредоточиться на проблеме общей, по сути, государственной», – она мысленно улыбнулась, легко прощая себе наивную, хотя и обоснованную веру в то, что журналистский голос её весом и слышен. В то спорное, «застойное» время, проскользнувшее сквозь пальцы истории как золотоносный песок, интересы страны воспринимались как личные. Особенно в авиации, тем более в военной. Боевая готовность – безопасность полётов... Это как чаши весов: если усложнить полётное задание – добавится риск, упростить его – ослабнет подготовка, а это тем более опасно...

В своё время она наслушалась разговоров лётчиков в полках о том, что ограничения и запреты идут «сверху»

одно за другим, особенно по новым типам боевых самолётов. Что под предлогом укрепления безопасности отбываются порой полёты в сложных метеоусловиях. И, несмотря на приличный налёт, молодые лётчики в мастерстве своём продвигаются медленно, а ценнейший опыт реальных воздушных боёв, полученный советскими лётчиками в арабо-израильском конфликте, практически не используется в боевой подготовке. Услышала осторожное признание старших командиров, что они абсолютно согласны с суворовским «тяжело в учении – легко в бою», но никому не хочется в случае лётных происшествий быть вызванным «на ковёр» и уйти с понижением в должности... Только тогда, мысленно созрев и внутренне сгорая, она сделала большую проблемную статью.

Опираясь на мнения лётчиков, но не разглашая фамилий, она жёстко, без лишних эмоций, с акцентом на степень лётного мастерства, проанализировала причины целого ряда аварий, безусловно тех, что были с благополучным исходом. Где подводила не столько техника, сколько так называемый «человеческий фактор» – новое понятие, введённое авиационными психологами, и в те годы еще непривычное. Писала о давно наболевшем убедительно, но осторожно, где-то намёком, где-то между строк. Так, чтобы понятно было специалистам, а обывателям предлагалась лишь внешняя сторона героической работы, вставленной в затейливую рамку своеобразия жизни в небе.

Казалось, предусмотрела все глубинные течения и подводные рифы, на которые мог напороться её перегружённый осмысленными фактами корабль. Но редактор солидного журнала, куда она принесла статью, пришел в ужас.

Она сама понимала: несмотря на давние, деловые контакты, благосклонное отношение к её лётным пристрастиям военной цензуры, несмотря на заверения в своей заинтересованности Главного политуправления, такой материал без разрешения Главного шта-

ба ВВС к публикации никто не пропустит.

В просторном кабинете заместителя Главкома, где ей уже приходилось не раз бывать, обговаривая цель командировки и кандидатуры героев своих будущих очерков, заслуженный боевой генерал внимательно прочёл статью и спокойно, с каким-то даже сочувствием посмотрел ей в глаза:

«Что и кому вы пытаетесь доказать?» – он выдержал паузу, но она молчала. И генерал заговорил об изменившейся тактике воздушных боёв – перехвате высотных целей и дальних пусках ракет. Об изжившем себя ближнем бою, а потому ненужности на борту ракетноносца пушек. Об автоматических системах, ведущих современный истребитель-бомбардировщик по маловысотному профилю, о том, почему устарела штурмовая авиация. В связи с чем усложнилась методика обучения... И почему подготовка лётных кадров...

Он говорил пространно и терпеливо, словно читал доклад, убеждая не её – единственного слушателя, а большую аудиторию критически настроенных специалистов. Война в Афганистане только начиналась, ничто не предвещало Чечню, и никто не знал, что жизнь потребует смелых, рискованных решений. И какую непростительно высокую цену придётся за недалёковидность заплатить...

Она тоже не знала всего, но в силу характера и своей профессии пыталась взглянуть в будущее глазами своих подопечных и даже чуть дальше их... Ей было проще: она ни за что, кроме слов своих, ответственности не несла. И, понимая это, внимательно слушала генерала.

«...Война – другое дело: там риск неизбежен. И когда появится острая необходимость, тогда и будем отрабатывать предельные режимы... – глаза генерала прищурились. – А если в мирное время, при усложнённом полётном задании лётчик погибнет? Как вы объясните это семье?»

Удар был нанесён «ниже пояса», но она его выдержала.

«А что говорят, когда из-за перестрелки в училищах молодые лётчики, уже в полку, не могут в усложнившихся погодных условиях благополучно завершить полёт? Или, сорвавшись в условном воздушном бою в штопор, не способны вывести из него истребитель? Прошёл запрет на косую петлю – по сути, противоракетный манёвр... А на полигоне...»

«Вы не слишком углубляетесь в тему?» – в голосе хозяина кабинета иронии нет. Мужественное лицо его, слегка оплывшее и потерявшее аэродромный загар, непроницаемо.

«Простите за нетактичный вопрос... – она поймала его настороженный взгляд: – Когда вы служили в боевом полку, тоже считали, что безопасность полётов важнее боевой готовности?»

«Тогда на вооружении стояли другие самолёты, – ответ прозвучал быстро, словно был обдуман давно. – Штопор, к примеру, на дозвуковом истребителе – элемент пилотажного комплекса. А на сверхзвуковом – это потеря высоты в полторы тысячи метров. Эра манёвренного ближнего боя закончилась с рождением перехватчиков, вы должны бы это знать. Моему поколению повезло: освоили те самолёты и другие, так что мне есть, с чем сравнивать».

Она ждала, что генерал добавит: «Не то, что вам...», но он был корректен. Вежливо проводил до двери, и потому как непривычно холоден на этот раз был его взгляд и вяло рукопожатие, она поняла: отныне в Главный штаб ВВС и лётные части путь ей заказан.

Некоторое время спустя она сделала цикл очерков о лётчиках-испытателях, работа которых почти в каждом полёте стоит на грани, а то и за гранью допустимого риска, что позволяет человеку определить собственный запас прочности и лётных возможностей. Но это была уже другая глава в её творческой биографии. С решением прежних проблем и обретением новых. Светлая и трагичная пора жизни, в которой она помнила всех – живых и погибших. Тех,

о ком писала, и с кем побеседовать так и не смогла...

...Ночь кончалась... Пелена за окном таяла, и открывалось небо. Робкая синева его густела – где-то за домами, из-за неровной линии горизонта поднималось позднее солнце. Неизменно пунктуальное, оно напоминало о вечном ритме Вселенной, которому подчиняется жизнь.

Торопливые шлепки босых ног, маленькие руки обняли сзади за талию. Обернувшись, словно сквозь дымку, она увидела сияющие глаза.

– Бабуля, ты сейчас сказку придумывала? Про мышку-норушку, мышку-полёвку и ту, что в лесу живет, я ребята там рассказывала... И про солнечного, и лунного коня. Ребята хотят и про другое, я тоже. Ты обещала про то, как птицы летают... Ещё мне нужен костюм зайчика. Сошьешь? И мама сказала, что... Ты плачешь? Кто обидел? – детские глаза смотрели распахнуто, строго.

– Просто устала, – она улыбнулась, прижимая внучку к себе.

2

...День начался как обычно. Мужу надо было сходить в институт и он, по привычке тщательно, выбирал себе рубашку. Дочь, как всегда, опаздывала на работу, поэтому в детский садик бабуля часто отводила внучку сама. Всю дорогу девочка ластилась, прижимаясь щекой к её руке, мурлыкала и умильно заглядывала в глаза. Клянчить пирожное она решалась только у бабушки. Дед и мама скажут: «Надо сначала позавтракать», бабуля тоже поворчит, но...

Она подождала, пока внучка справится с эклером, и, взяв с неё честное-пречестное слово, что каша будет съедена, а молоко выпито, провела во двор детсада, где уже изводили друг друга маленькие садисты. Мельком подумала, что именно с этого возраста закладывается агрессивность взрослых и

надо бы, развив эту мысль, написать статью. Но тут же о ней забыла.

В метро было шумно и жарко, хотя гуляли сквозняки, выдувая из головы мысли. В редакции пришлось разъяснять, почему она так, а не иначе, освещает события, касающиеся исторического периода восьмидесятых годов. Старый редактор, который доверял и не правил ни единой строки, ушел на пенсию, а новый, молоденький и шустрый, был из всезнаек. Такому доказывать, всё равно, что уговаривать осла. Поэтому она молча забрала статью – итог недели плотной работы и, мысленно распрощавшись с гонораром, на который планировала купить себе недорогие босоножки к лету, поспешила уйти.

По-весеннему светило солнце, но снег был ещё зимний, рассыпчатый. Она поймала себя на мысли, что не помнит, когда так остро ждала весну, хотя ничего, кроме паркой земли, вылезшей из-под сугробов на садовом участке, где можно посадить редиску, начиная новый дачный сезон, весна ей не сулила.

Но это странное брожение в душе и ток крови, растекающейся по жилам, как ручьи в половодье, не пустили её в метро. Мысль о том, что придётся лезть под землю, когда над головой такое синее, умытое небо, и можно долго-долго идти по скверу, а ветер будет напоминать аэродромный, показалась ей нелепой.

Старые, кряжистые деревья ещё спали, но ветки их уже прислушивались к весне. Её загадочный корреспондент, письма которого так не соответствовали его внешнему облику, тоже размышлял о весне. Зрительной памятью она видела строчки, рождённые на одном дыхании, в которых чувствовалось ещё не понятое им самим природное владение словом. Что он хотел – писать или издать книгу? Это далеко не одно и то же.

Сколько раз, при каждом удобном случае, она твердила лётчикам:

«Пишите о себе сами! То, что я по крупицам узнаю от вас – лишь общая схема происходящего в воздухе. И как

бы красочно ни изобразила полёт я, всё будет лишь перепевом вашего состояния... Никакое, даже сверхживое изображение самостоятельно не летающего человека, самый яркий писательский дар не может воссоздать те пронзительные мгновения полёта, те ощущения и чувства, ради которых вы пришли в эту профессию. Лучше вас о ней не расскажет никто, потому что это не просто работа, а искусство – творить и выживать».

Он подошёл к ней сам. Написал, распахнувшись с непосредственностью мальчишеской, возможно, ей первой открыл тайну, хранимую от всех.

Что она ответила? Подбодрила и, видимо, нашла нужные слова, если в тяжкий момент он искал в ней опору. Ждал не просто сочувствия и вряд ли помощи. Он пытался разобраться в себе. И боль должна была родить писателя.

...Литой снежок пролетел перед носом, врезался в ствол дерева и разбился на льдинки, холодом брызнув в лицо. Она оглянулась. Пацаны с упоением бомбили друг друга, им было всё нипочём. Щёки бордовые, носы сопливые, глаза сияют. Незамутнённая, беспричинная радость волнами расходилась от них, их щенячья возня смешила, настаивала на беспечный лад. И она с улыбкой подумала, что писательский зуд – это своего рода наследственная или заразная хворь. Возникает спонтанно, как чирей в уязвимом месте – желание писать становится потребностью. Хорошо, если литературные способности есть. А если только желание?.. Графоманы – это хроники. Но плохо писать – совсем не то, что плохо летать. Небо бездарность если не убьёт, то непременно сбросит. Бумага же терпит всё. И разоблачит... Он понимал это и, не доверяя себе, искал в ней соавтора.

Пацаны, едва не сбив с ног, промчались мимо. Теперь они гнались за девчонкой, долговязой, вихрастой, в распахнутой куртке и с вязаной шапкой в руке. Девчонка была чем-то похожа на неё, она тоже водилась только с мальчишками и бегала быстрее их...

Природа перемудрила, сотворив из неё женщину, а может, в этом был тайный смысл? Только она не всё поняла и не до конца выполнила ниспосланное свыше задание... Может, рано сказала себе: «Отъездила, отлеталась, отпереживалась, отписалась – хватит?»

Почему письма возникли из небытия именно сейчас, в конце девяностых, когда всё кругом стало казаться не просто искажённым, чужим, но и невозвратно потерянным? В жизни ничто не бывает случайным, она в этом убеждалась не раз. И причина может отстоять от следствия на разный промежуток времени. Иногда на минуты, часы, дни. Бывает – на годы.

Судьба, словно наказывая за дерзкий взлёт в молодости и продолжительно-благополучный полёт в зрелости, к старости отняла сам смысл творческой жизни. Рухнула страна, перенацелилась, выживая, пресса, и пенсионный возраст подоспел, внуки появились... Ум смирился, приводя веские доводы, что журналистов теперь, как рыбы в море. Молодых, грамотных, нахрапистых. Они жадно хватают новости, бездумно взрывают жизнь, не останавливаясь ради сенсации ни перед чем. А тех, кто исследует, в основном, одну стержневую тему, как и раньше – наперечёт. И она сама себя добровольно вывела из строя...

Кто пишет сейчас об авиации? Да и что писать? Военная сидит на земле, как в битуме увязнув в земных проблемах. Гражданская едва выживает, спортивная на последнем издыхании. Коммерция, бизнес, деньги... Авиапромышленность, создавая шедевры, продаёт их за рубеж. На вооружении собственной армии – старьё... Трагедия авиации как на ладони, но обожжённая, истерзанная кожа уже не в состоянии воспринимать отдельную боль. Всё вздулось сплошным нарывом, препарировать который может только хладнокровный, мужественный ум и любящая душа – за ассистента. Когда-то она бы рискнула...

Когда-то она шла бесстрашно, наслаждаясь исследуемым пространством,

ступая то легко, то трудно, иногда как по минному полю. Но тогда была под ногами почва и взлётная полоса на ней. Разве хватит сейчас сил мчаться к чёрту на кулички, лететь, куда и на чём угодно, забывать, что ночью полагается спать, а днём обедать? И встречи, знакомства, разговоры – как упоение в бою... Внимания, памяти, любознательности, душевности на всё хватало. А теперь...

Как никогда остро она почувствовала усталость от не написанных мыслей... Бессюжетные, неконкретные, они не слагались в законченную форму и зависали в сознании, как пылинки в солнечном луче, которые хаотично кружатся в нескончаемом, бессмысленном танце и не могут никуда осесть.

...Она поймала себя на том, что идёт как в молодости быстро, торопя шаг, но сердце работает на удивление ровно, словно исправный хронометр. И всё-таки, поравнявшись с остановкой, свернула с аллеи на улицу, села в полупустой автобус. Хотелось скорее вернуться домой, взять в руки безымянные письма и убедиться, что строчки, написанные давным-давно, не исчезли.

«Чрезвычайное происшествие (рассказ)» – стояло вверху очередного листа. Текст написан от руки всё тем же размашисто-колючим почерком.

«Так значит всё же рассказ, а не обещанная информация», – подумала она с улыбкой. Таинственный корреспондент нравился ей всё больше.

«Звонок будильника, как резко Нажатый тормоз, прервал сладкое скольжение в забытье сна. Организм буйствовал: «Неужели даже в субботу нельзя выспаться нормально?» Хотелось повалиться ещё, но сквозь оцепенение сонной лени проникли следы вчерашнего, радостного настроения, и вскоре мысль о том, что сегодня предстоит урвать у судьбы шесть инструкторских (целых шесть!) полётов, стала главной.

Перевалившись через край кровати, и чувствуя себя под сочувственным взглядом жены таким героем-труже-

ником, горбясь от этого, будто под грузом важного сегодняшнего дела, он поволокал к окну. Было облачно. Сглотнул комок предчувствия: «Отобьют!» Но, прикинув высоту облачности, решил пока не портить себе настроение и стал спешно одеваться. Времени на почесывание нет».

Она нащупала карандаш и, привычно отчеркнув на полях неточный оборот речи, продолжала читать, время от времени, переставляя слова местами и убирая лишние. Малогабаритные очерковые размеры приучили к ёмкости образов и строгой значимости фраз – ни единого ненужного слова. Было в этом что-то от работы скульптора.

«...На улице сонно и тихо. Свежесть остывшего и отстоявшегося за ночь воздуха полезла под рубашку. Никого кругом. Он представил себе уютное тепло постели и поспешил к машине, ёжась и стараясь разогреть энергичными движениями мышцы.

Как всегда по-варварски, не дав поработать мотору на холостом ходу и минуты, стал сдавать задом со стоянки. Громада дома глазела сотами своих уютных квартирков, и было грешно тревожить законный субботний покой».

«Совсем неплохо... И настроение передано, и динамика есть. Фразы построены правильно, слова неизбитые. Может, лучше было писать от первого лица?» – подумала она, заметив, что волнуется. Наличие литературного дара определяется с первой фразы, абзаца. Она умела радоваться чужим удачам.

«В этот день летали всего две спарки УТИ МиГ-15, так называемых «летающих тренажеров». Через эти самолёты прошло не одно поколение истребителей. Их прислали в полк недавно для тренировок в приборных полётах. И хотя выглядели они кургузо, как странный анахронизм среди могучих стрелообразных ракетноносцев, но отношение к этим коротышкам среди лётчиков было нежным и ласковым. А их уточняющая приставка «УТИ» (учебно-тренировочный истребитель) проносились не иначе как «утяти».

Стараясь не мешать молодым пилотам в период их интенсивной подготовки на класс военного лётчика своими претензиями на боевой сверхзвуковой самолёт, ему удалось в прошлом месяце хорошо поработать на «утяти». Успел восстановиться, а затем полетать в качестве инструктора. Это была серьёзная подмога в выполнении плана полётов по приборам, и он этим гордился. Задействованные на других целях, остальные лётчики не смогли провериться на «Ути», и сегодня предстояло расширить круг счастливиц.

Он давно болел этой идеей и ходил вокруг командира как кот, почуявший сливки. Раз прислали самолёты, значит нужно на них летать. Тем более что полёт на этих машинах стоил много дешевле, чем на трижды электронных ракетноносцах. А что говорить об удовольствии от пилотирования «ласточки», которая вслед за ручкой управления вписывается в каждый манёвр. Здесь через простейший гидроусилитель чувствуешь контакт непосредственно с воздухом. Автоматика же между лётчиком и рулевыми плоскостями, имеющая привычку иногда вмешиваться в управление и показывать свой характер, отсутствует. Подстраиваться сразу под самолёт и под автоматику – дело неблагодарное. А тут процесс пилотирования естественен, элементарен и соответствует полузабытому училищному принципу «газ від себе, ручку на себе».

Она заметила, что с удовольствием читает технические подробности, известные ей раньше, но переданные сейчас как бы из рук в руки – только лётчик может заострить на таких деталях внимание. Но интересно ли будет несведущему читателю?.. Думать о читателе – это у неё уже в крови.

«...В общем, летать на «утяти» всем нравилось и у всех получалось. Глядя на сияющие физиономии лётчиков, вылезавших из кабины и подходящих получить замечания, он мог сказать только одно: «Ну что, доволен?!»

Дальше текст был накручен, засорён объяснениями. Механически она редактировала, не теряя нить мысли и получая от этого двойное удовольствие.

«...Конечно, в этих полётах была своя польза и смысл. Наглядное сравнение вчерашнего и сегодняшнего дня авиации, подтверждение гигантского размаха научно-технической революции...»

«А замполит-то в нём сидит, пожалуй, глубже лётчика», – подумала она с добродушной иронией и перевернула лист.

«...Роль «утяти» как «летающего тренажера» соответствовала на все сто процентов. Хотя эта видимая простота не исключала наличия подводных рифов, самым неприятным среди которых был процесс прогрессирующего «козла» на посадке. Не дай Бог ткнуть «Ути» носовым колесом. Он резво вскидывал нос, увеличивая угол атаки, в результате чего подпрыгивал, затем, теряя скорость, падал на носовую стойку... Высота прыжков увеличивалась до тех пор, пока выдерживали прочность шасси. Иногда до их поломки самолёт успевал свалиться на крыло в штопорном положении. Исход был печален».

Однажды подобное произошло на её глазах. И было это в одну из первых поездок в строевые части. Лётчик, к счастью, почти не пострадал, но самолёт списали подчистую, а картина аварии снилась потом, к тому же с её прямым участием. Она просыпалась в холодном поту, ей казалось, что могла бы описать такие детали, тонкости в своих действиях и чувствах, которых никогда не знала.

Воспоминание отвлекло и, как ни странно, успокоило. Дальше она читала уже не торопясь.

«...Был ряд особенностей и в воздухе. Всё это требовало серьезности, тем более от инструктора. В свое время я облазил «Ути» с инструкцией в руках вдоль и поперек. Был доволен, что многое не забыл. Да и как забыть, ведь это моя лётная юность. Первая и единственная...»

Она уловила смену местоимений и подумала, что ожидала этого: лётчику трудно представить себя вне действия – полёта. То, что шло потом лирическим отступлением, вписывалось в текст органично, не нарушая ткани рассказа.

«...Если подумать, то всё остальное, что бывает в жизни нормального человека, наслаивается вокруг любимой работы как вокруг стержня. Другой степени отдачи делу лётная работа не терпит и списывает неудачника на другую профессию, хуже, если из жизни вообще. Здесь нужно быть честным. Не получается – уходи. Здесь не спорт, здесь в каждом штатном полёте должен быть воздушный боец, то есть самый максимально сосредоточенный на противнике человек. Сегодня вместо противника сложность полётных заданий, воздушной обстановки, но ведь бойцовские качества формируются именно сегодня, сейчас... Дополнительного времени не будет».

Рука потянулась заменить какое-то слово, но карандаш не коснулся бумаги. Она отложила его в сторону и продолжала читать.

«На аэродроме техники уже опробовали двигатели. Рев их, как обещание будущей радости, наполняет тело бодростью, а душу сладким предчувствием. Бетон дороги к стоянке самолётов был упруг, бел и авиационен.

Когда я подъехал, площадь стоянки с двумя коротышками «Ути» показалась огромной. Машины обслуживания занимали больше места. Возле них ходил недовольный дежурный по АТО и бурчал о том, что стоило ли из-за двух самолётов тревожить столько людей и его самого в первую очередь. Чудак-человек. Каждая кроха в общий налёт полка – это тоже хлеб. Не будет лётных минут – не будет боеготовности и воздушных бойцов-истребителей, которые в любых условиях... и т.д., как любят писать в газетах.

Приехали ребята. Комэск второй сподхалимничал: «Ну, налетаемся сегодня!» Чует кошка, чьё сало съела. Он мне в прошлой плановой таблице

после того, как я отошёл от неё довольный, ухитрился один полёт стереть, а второй сдублировать с начальством. Можно себе представить, как я брызгал в ярости пеной, обнаружив эти постскриптумы...

Постояв над черновиком плановой таблицы и пережеввав положительные эмоции от вида синих линий – своих шести инструкторских полётов, я схватил лётчика Д. и пошел к самолёту. Эмоции эмоциями, а делу – время. Проверил знание им оборудования кабины, средств аварийного покидания самолёта, особенности закрытия фонаря. Разобрались, куда и как Д. смотрит на взлёте и на посадке. Какие параметры – на какие элементы полёта...»

Её раздражало это безликое, бесфамильное «Д», но она понимала: писалось с оглядкой на цензуру... Опасения излишние для произведения вольного. Но для автора этот материал – документальный, и если «вирус» секретности введён в сознание, его трудно изжить.

«...Д. отвечал уверенно. Да и как иначе. Еще в ДОСААФ он налетал на «Ути» полторы сотни часов. И в последний раз летал на спарке не так уж давно. Всё было «тип-топ».

Странный парень этот Д. Уже на третьей фразе краснеет, глаза наполняются слезой, и смотрит он поэтому исподлобья, часто опуская глаза. Похоже, стесняется, стараясь скрыть это излишней порывистостью речи, извиняющимся смешком. И жена у него такая же. Как-то зимой после вечера отдыха в Доме офицеров я затащил их вместе с компанией к себе домой. Так они за всё время глаз от стола так и не подняли.

Но, несмотря на эту особенность, Д. открыт в суждениях. Хороший парашютист, неплохой лётчик. Нужно его общественной работой загружать, а то так и останется хорошим, отличным, но обычным лётчиком. Недаром я дразнил своего друга, такого же воспитанника ДОСААФ, лётчиком-любителем. Как пришел спортсменом в военную

авиацию, так и... Профессионализм военного лётчика предполагает большую широту интересов и ответственность. Это всегда, как минимум, лётчик, офицер, начальник, партиец, и твёрдое понимание того, что боеготовность есть сумма многих слагаемых, ни одно из которых упускать нельзя».

«В нём снова вещает политработник», – она подумала о том, что подходит к тексту с позиций сугубо художественных и, пожалуй, слишком строго. Заметив, что карандаш оказался у неё в руке, засунула его под бумаги.

«...Разведка погоды была утешительной. Облачность не мешала, она была выше оптимальных высот полёта в зоне. Воздух спокоен, без болтанки.

Зоны взяли слева и справа от полосы. Такие полёты, конечно, отдых для руководства. Хотя в этом есть и опасность: лётная работа не терпит послаблений и несобранности на рабочем месте.

Шлепаем с Д. к самолёту. Я ему еще раз толкую о том, что он должен проявить максимум самостоятельности, но поскольку «Ути» существо нежное, то пусть не зажимает ручку, чтобы я потом, если приспичит, не вырывал её, раскачивая самолет. До начала полётов ещё минут пятнадцать. Решили залезть в кабину: я надел только комбинезон, летний, белый. Зябко...

Наконец пришло время запуска. Я подсказал Д.: «Запрашивай!»

...Он вырулил, чуть поздно вато дал газ на развороте. Двигатель зарычал. Здесь более простая автоматика регулировки двигателя и поэтому приёмистость приходится контролировать за счет РУД...»

Она выкатила карандаш из-под писем и вычеркнула последнюю фразу. Сразу же что-то изменилось, словно исчез запах кабины, который не передать, можно только запомнить. Поэтому дальше она уже ничего не правила.

«...Спарка весело бежала по прямой рулёмке. Д. довольно-таки экономно расходовал воздух гидросистемы для сохранения направления. Я сидел в ка-

бине, непривычно далеко высунувшись наружу (здесь очень просторный фонарь в сравнении с МиГ-23) и разглядывал детали пробегающей местности. Это забавно. Когда рулишь сам, внимание лишь на перспективу, направление.

Осмотр перед взлётно-посадочной полосой. Техник похлопал по лючкам, обошёл вокруг самолета и дал «добро» на полосу. Бетонка после ремонта показалась огромной, как взрослая кровать для детёныша.

Опять зарычал вслед за рычагом управления двигатель. Руководитель произнес длинную тираду о начале полётов для записи на магнитофон, и мы побежали по плитам бетонки взлётной полосы. На положенной скорости пошла ручка – Д. соображал. Правда, чуть-чуть перебрал ручку для нормального подъёма колеса, и я её придержал, давая возможность спарке отделиться на угле атаки подалеже от критического».

...Незаметно растаяли стены, комната расширилась, превращаясь в небо. Она грудью ощутила ускорение, а всем телом – подъём, когда пустота безопорности взвешивает всё твое преобразившееся Я, когда холодит чувство опасности и горячит безмерное счастье, а душа растворяется в облаках и сини.

«...Хлопнули, убираясь, шасси. Мягко провалилась вниз, вслед за уборкой закрылков, наша «утяти», но, ободрённая ручкой управления, с перевалочкой поскреблась в высоту. Я прибрал обороты. Не нужно без надобности перегревать лопатки турбины.

Подвернули вправо на курс. Я бы выходил в зону по шоссе, то есть к центру. Д. жался к левому краю, вдоль речки. Невольно подумалось: едут сейчас люди на отдых и гадают, что это за идиот жужжит сверху? Облачность отгородила землю от солнца серым коллаком. Полосы дымки украсили горизонт этажеркой. Всё это придавало пейзажу камерный вид. Но уюта не было. От серости, которая сгущалась к горизонту, тянуло холодом.

Д., было, полез к облакам, даже зацепил их размытый, сырой край, но я

остановил его: 2500 метров достаточно. Получив «добро» от руководителя полётами на отработку и следуя учебно-нудному заданию, он потопал влево с креном 30. Я глазел по сторонам, изредка посматривая в кабину.

Вираз с креном 45... Внизу по-прежнему царит неизведанная страна. Сверху всё кажется таинственным. Может быть, из-за маленьких размеров? Начинают действовать забытые инстинкты детства? Потом приезжаешь в эти места, и всё оказывается обычным, со своими прелестями, «...и грязь, да мухи...» А отсюда – всё аккуратное, какое-то искусственное... И без запаха. Лишь слегка пахнет горелым маслом, резиной. Обычные самолётные запахи.

Изрядно шумело от двигателя и вентиляции. Но мне кажется, что шум этот от входного устройства. Здесь оно спереди, и воздух, сдавленный стенками, обтекает кабину. Естественная турбулентность. На ракетносцах всё это остаётся сзади, и звук передаётся только по фермам конструкции»...

Она поймала себя на том, что все же правит текст, выпалывая лишние слова, как сорняки на грядке, пытаясь сделать фразы мускулистыми, выпуклыми, неуловимо созвучными с пилотажем.

Его нежелание или неумение передать палитру ощущений и видение происходящего в воздухе «изнутри», вызвало чувство досады. Журналистским чутьём она угадывала в новоявленном авторе натуру неординарную не в плане обычного понимания умственных способностей человека, и даже не в том, что составляет феномен лётного таланта. А в том нематериальном, на тонком уровне и грани сверхъестественного, в чём лётчики, обнаруживая это, боятся признаться авиационным врачам. Не совсем откровенны друг с другом, долго не верят сами себе. Обострённое восприятие пространства-времени, необычное слияние с воздушной стихией, одушевление конструкции и в чрезвычайных ситуациях управляемый не просто мозгом, но и чем-то иным автома-

тизм движений. И много ещё чего, не имеющего определений – всё в замкнутости, в зависимости целостной Сверхсистемы и вневременной крупницы Бытия.

«Не слишком ли много я требую, ещё не сумев разобраться до конца сама?..» – она сделала над собой усилие, обрывая спонтанный поток мыслей, чувствуя, что не способна упорядочить их и досадуя уже на себя.

«...Во! Выражи с глубоким креном – это уже нечто другое. Зарывание носа, непостоянность перегрузок и крена. Я напоминаю по СПУ – самолётному переговорному устройству: «Сделай нормальный ввод в вираж, тогда и параметры будут проще выдерживать».

Сделал. Вообще-то быстро Д. ориентировался. Чувствуется хватка. И ручку управления цепко держит. Ишь, как сопротивляется...

Так, пикирование... Не форсируй двигатель, ни к чему. Теперь плавно вверх, на горку... Ещё раз! Терпи, терпи... Скорость ввода в вертикальные фигуры 700 км/час, а не меньше. Забыл?.. Ох, и плохо же «Ути» гонится... Нашу пику – ракетносец только «воткни» в небо, ахнуть не успеешь как уже звук проскочил.

...16-я минута всего-навсего. А задание исчерпано. Вот она – настоящая, порядочная манёвренность. На глубокий вираж не успеешь настроиться как уже закончил. «Утяти» крутится как котёнок за своим хвостом.

Д. поволок самолёт в высоту, чтобы сделать ещё одно пикирование...

Уф! Устал писать. Да и не убеждён, что всё это написано интересно. Нужно, наверное, другое: эмоции, отказы техники и стрессы при ЧП...

Но в тот раз ничего этого не было».

Письмо окончилось, как все остальные, без прощальных фраз, размашисто закруглённой подписью.

Она перевела дыхание, подумала с раздражением:

«Настоящий полёт, сударь, вы бы не оборвали так небрежно. А бумага, по вашему мнению, стерпит всё ...» –

хотела поискать продолжение рассказа, но тело настойчиво требовало покоя.

Пришлось сесть в кресло и вытянуть ноги. Это было необдуманное, неразумное действие, потому что бессонная ночь тут же напомнила о себе, и стоило на секунду прикрыть уставшие глаза, как всё поплыло, преображаясь странным полувидением ночи и то ли плоских крыш, то ли широких самолётных крыльев, нагромождённых параллельно на разной высоте. Она шагает по этим плоскостям, людей нет, только бегают кошки – серые и пестрые. Одна гладкошерстная тёмно-серая кошка льнет к ней, но в руки не идёт.

Она подходит к большому, празднично освещённому зданию, поднимается по мраморной лестнице к входной двери и зовёт кошку, чтобы накормить – там банкет. Кошка подходит, но её не пропускают, хотя она уже в образе приятной девушки с длинными локонами по плечам, в старомодной дорожной одежде.

«Подожди, я принесу тебе поесть», – говорит она кошке-девушке и идёт в залы, переходящие один в другой. В одних горит яркий свет, за закрытыми столами негромко пируют незнакомые люди. В других залах полутемно и пустынно. Она искала себе место, но среди пирующих свободного не нашла. Пустые стулья лишь в полутёмном зале, но там не накрыты столы. Она всё же отыскала тарелку с желтоватым ноздрястым сыром на куске оплывшего масла, и понесла всё это кошке. Но на пути её возникла красивая, в странных одеждах дама, похожая на волшебницу. У неё в руках – стопка конвертов и сложенных четверо листов бумаги. Стопка быстро растёт, её начинают обвивать огненные нити, скользящие, змеящиеся, как тихие молнии... Где-то рядом ходят, останавливаются и молча смотрят на них отдалённо знакомые молодые мужчины с мужественными лицами. Никто ничего не говорит.

Писем в руках дамы набирается большая пачка.

Пальцы дамы оглаживают, выравнивают их, и возникающие с лёгким треском нити-молнии завязывают, запечатывают всё.

«Они предназначены мне», — понимает она. Ей нестерпимо хочется письма взять, и дама протягивает к ней руки, но...

... Громко хлопает входная дверь — муж вернулся из института.

Она очнулась, так и не поняв, удалось ли коснуться писем пальцами, но в кончиках их ещё долго ощущалось лёгкое покалывание.

— Обедать сейчас будешь? У меня аппетита нет, — крикнула она, не вставая.

— Попозже, вместе с тобой, — муж заглянул в комнату. — Ты, часом, не заболела? Утром ничего не ела, синяки под глазами...

— Всё нормально. Ещё немного поработаю... — она заметила его недоверчивый взгляд, брошенный на её отдыхающие, без бумаги и карандаша руки, и подчёркнуто бодро выпрямилась в кресле.

Муж ответил улыбкой и ни о чём не спросил. Вскоре в столовой негромко заворковал телевизор — бойкой скороговоркой диктор вещала в «Новостях» о чеченских событиях и вылазках террористов, о бомбёжке сербских городов, о палестино-израильской войне, ещё каких-то конфликтах. Мир словно взбесился, выполняя дьявольский заказ, торопясь стереть с лица земли человечество.

Позвонила дочка, предупредила, что зайдёт в детский сад сама. Последнее время она приходила из поликлиники, где работала участковым врачом, расстроенная, с ворохом мелких неприятностей, которыми не считала нужным делиться, потому что была убеждена: обсуждение лишь множит их.

Но они проникали в щелочки материнского сознания, вызывая бесполезную, но болезненную смуту и затеявая чехарду чувств.

Потом позвонил сын. У него не ладилось с диссертацией: кто-то предна-

мерно мешал, меняя сроки защиты. Сын надеялся, что в путанице его проблем поможет разобраться отец. Она вслушивалась в ответы мужа, ей не нравился его тихий, напряженный голос. Он явно волновался, давление, конечно, подскочило, а у него недавно был инфаркт.

«Мы так и не сумели приспособиться к Перестройке, мало чему полезному для современной жизни научили детей. Всё было в нас на пике воли и наслаждения трудом, в бескорыстном порыве, на изломе чувств и подлинной страсти, приносящей счастье душе, а не плотские утехи телу», — подумала она.

Всё было как в сложном полёте: с ограничениями и запретами, но на любых высотах и скоростях. Со своей комбинацией «пилотажных фигур», с той отработанностью и чистотой исполнения, на какое было способно личное мастерство. Личное, а не купленное за деньги!.. И не пилотаж сейчас нужен, а бой, если не хотим тащиться чартерным рейсом на грузовом «самолёте»... Казалось, укрощённая, смирившаяся душа её вздрогнула и заняла от чувства смутной вины, какое испытывала с тех пор, как перестала активно писать.

Разве только возрастные и семейные проблемы стали тому причиной? Не хотелось вплетать свой голос в хор прославляющих или хающих то, что происходит в стране за последнее годы. На том «берегу» остался не райский сад, на этом — пока не ад. Чистилище... Всё смешалось графически чёрно-белым, контрастно бедно-богатым, категоричным и бессмысленным. Россия словно зависла в невесомости... Но если не можешь внятно выразить то, что творится в обезкураженном, сбитом с толку уме и потрясённой на всех сознательно-бессознательных уровнях психики, то лучше молчать, чтобы не вводить доверчивых читателей в заблуждение. Это было её кредо.

Сейчас она впервые осознанно усомнилась в справедливости своего инертного, на уровне обывательских вздохов молчаливого протеста.

«Как противоестественно изменилось время, словно вывернули наизнанку и стали видны узелки, наметка и швы, стачавшие когда-то разрозненные куски действительности. Приоритетными темами стали сомнительные реформы, технические ноу-хау, бандитизм, терроризм, коррупция. И мерилом всему – деньги, деньги!.. А сам человек даже в уникальной профессии, со сложной палитрой его души, неадекватностью и логикой поступков, оказался никому не нужен, не интересен, и мастерство его приобрело искажённую рыночную цену», – она поймала себя на мысли, что второй раз за сегодняшний день возвращается к давно обсосанной, прожёванной, переваренной и запрещённой для себя теме.

...Сумерки зашторивали окна, комната наливалась предночной тоской и, пытаясь спастись от себя самой, она села к письменному столу, включила настольную лампу и развернула очередную страницу.

Пальцы легонько кольнуло, всё было как продолжение странного сна.

«...В лётном деле есть особого рода хвастовство. Я неоднократно слышал на служебных совещаниях, общественных мероприятиях, за праздничным столом как похвалу высшей степени: «У этого лётчика в полёте все стрелки по нулям». Имеется в виду точность пилотирования по заданному режиму.

Я не против культуры пилотирования и считаю такую точность одной из необходимых предпосылок профессионального мастерства военного лётчика. Рывки, дергание истребителя называются, прежде всего, на лобовом сопротивлении, поскольку эти неточности – изменение угла атаки. А увеличение лобового сопротивления – это всегда минус из располагаемой тяги двигателя, т.е. подарок противнику».

Она была ещё во власти своих безрадостных мыслей и очевидно поэтому, словно за кулисами сознания, возникла ассоциация, замерцала мысль:

«...Рывки, дёргание... увеличение лобового сопротивления... минус из тяги

двигателя – подарок противнику...» Это можно отнести и к тому, что касается проблем земных... Мысль просилась развернуть её, продолжить. Но не хотелось застревать в плену сомнительных сравнений и что-то додумывать. Загнав размышления в подсознание, она продолжала читать.

«...Но, низводя мастерство военного лётчика до умения держать режим, мы тем самым приравниваем мастерство к спорту, где пилотирование само по себе становится самоцелью, и тем самым дезориентируем лётную молодёжь.

Главное в профессии лётчика-истребителя – в нужный момент на заданном рубеже уничтожить противника. Очень хорошо, если это будет достигнуто с минимальной затратой боевых средств. Ну, а будет ли при этом показан блестящий каскад фигур высшего пилотажа – уже неважно. Внешнее оформление, обёртка содержания – победы над противником. Чем экономнее, скоротечнее атака, тем больше шансов на выигрыш. И поэтому мне кажется, что главное в лётчике – его пытливость, настойчивость, гибкий ум.

Именно в целеустремленности, в постоянном поиске, подчинении всех сторон своей Личности умению летать – в этом главный секрет профессионального мастерства лётчика-истребителя. В воздушном бою ты встречаешься с таким же лётчиком, человеком как объектом преодоления. С такой же целеустремлённостью и мастерством. И победить этого противника нужно по сумме человеческих качеств».

За этими словами, безусловно, стояли те месяцы, что он провёл в Египте, где каждый день были реальные боевые вылеты. Где в воздухе над африканской землёй приходилось крутиться в смертельной карусели порой из двух десятков сверхзвуковых истребителей. Где спасало не просто мастерство, а какой-то пространственно-временной феномен психики и реакции, находящихся за гранью изведанного... Где наших «МиГов» было сбито больше, чем «Ми-

ражей» и «Фантомов». Где погибло трое его однополчан и сам он, взлетая из положения боевого дежурства, не мог дать полную гарантию, что вернётся...

Ошеломляюще ясно, единой объёмно-временной картинкой в её сознании возникло слепяще-обжигающее солнце, рыжеватая взвесь пыли в воздухе над аэродромом, всклокоченное мощными спутными струями от ракетноносцев небо над лениво текущим болотного цвета Нилом. И в желтовато-сером камуфляже стрелы истребителей среди пламени пусков своих и чужих ракет... Ощущение реального присутствия её там было так пронзительно живописно, что вспотело лицо, а по спине пробежал озноб, заняло сердце. Время сместилось и замерло на каком-то пространственном уровне, за границей которого существовал уже иной, не поддающийся пониманию, ирреальный мир...

Она хотела встать, чтобы выбраться из ощущения перегрузки, непосильной для стареющего тела и мозга, заблокированного иллюзиями, но лишь рывком подтянула к себе лист бумаги, заполненный торопливой вязью слов.

«...В академии мне довелось писать реферат по философии на тему «человек-машина-среда». Не знаю, было ли это достаточно научно, но сутью моих философских потуг стало следующее: человек (лётчик) действует на среду (противника, внешние обстоятельства полёта) опосредованно, с помощью машины (самолёт, наземные средства обеспечения). Именно, человек действует! Вооруженный нечеловеческими возможностями воздействия. Человек, со всем своим обширным спектром слабостей и сильных сторон.

Нужно летать, учиться, отдыхать, есть, жить ради работы схемы: человеческая воля реализуется через технику в изменении среды. Именно поэтому отсюда, с инструкторской кабины, меня всегда раздражала бесцветность, вялая шаблонность чужого полёта. И наоборот, привлекал задор, восторг летания, осмысленность всего, что делается лётчиком, которого проверяешь. Эти же

качества работают и на безопасность полёта: активный лётчик готов к стрессу опасной неожиданности. И, если он ходит по краю возможного, заглядывая через него, то уж вряд ли растеряется при предъявлении свирепой рожи опасности. Он готов ко всему».

Её слегка покорило не к месту вылезшее окончание предпоследней фразы. Карандаш нацелился перечеркнуть нарочито грубый образ и замер. Она поняла: это был рефрен, желание обострить смысл всего, что сказано, внутренний крик, который он сумел выразить именно так...

В нём самом чувствовалась конфликтность и что-то ещё более глубокое, принципиальное. Она не любила проносить даже мысленно громкие, затасканные в печати слова: трафаретность убивает живую мысль. Но сейчас в голове крутилось когда-то модное, а теперь несправедливо опороченное и низвергнутое с прежних высот слово «патриотизм». И выражался он в обычной профессиональной потребности честного, думающего лётчика-идеалиста, мечтавшего состыковать стержневые, противоречивые понятия военной авиации, составляющие лётного мастерства.

Она перевернула страницу, испытывая чувство, отдалённо напоминающее удовлетворение, даже восхищение проверяющего, который оценивает первый самостоятельный полёт своего подопечного. И в унисон, созвучием её мыслям:

«...Я наблюдал за работой Д., и мне нравилась динамика восстановления навыков у этого, судя по всему, сильного лётчика. До этого я не летал с ним.

Меня не удивило, когда Д., после выполнения заданного набора фигур, уже сверх задания ввёл самолёт в вираж с глубоким креном, потом, переложив рули, выполнил горизонтальную «восьмёрку». Честно говоря, я ожидал этого. Время ещё оставалось, и он должен был попробовать этот серый край неба.

И он вцепился в него с неистовой жадностью, с неутолённой жаждой

свободного полёта. Будто распахнулись в полную силу крылья, до этого подобострастно поджатые. Пьянящая радость захватывала. Чувствовалось это в особой собранности, точности и, вместе с тем, раскованности полёта.

Пикирование – «горка», разгон скорости – петля... Разгон – боевой разворот... разгон – косая петля...

Я любовался, стараясь корректировать лишние вольности, и поджимал живот, чтобы удержать кровь у головы в моменты больших перегрузок. Круто менялись положениями земля и небо, мы топтали их поочерёдно брюхом самолёта как своими ногами, скользя между этими плоскостями».

«Как хорошо, как точно и образно сказано!» – обрадовалась она, ощущая себя там, в «утяти», третьей. Захлёбываясь небом и отстраняясь от земли, уходя в те, невозвратные, мгновения настоящей жизни.

«...Жаль, что время истекало... Сделав виток спирали с набором высоты, мы с интересом и сожалением рассматривали место нашего праздника. Внизу всё было по-прежнему призрачно, ненатурально как в сказке. Мы развернулись на привод, и полёт снова стал прямолинейен и заучен. Д. хорошо помнил параметры полёта по системе на «Ути», а выдерживать их было просто.

Вот и дальний привод. Здесь пришлось немного помочь. Д. пытался зайти свысока и нерасчётливо орудовал скоростью. Но сажал «утятю» сам.

Из кабины Д. вылез возбуждённый, ещё не скованный в движениях на земле и живущий прежней, кабинной жизнью. Он был ещё в полёте и теперь никак не мог остановиться, готовый куда-то бежать, что-то делать. Естественные эмоции лётчика. Непрерываемость работы, диктуемая самим небом, по инерции всегда сохраняется некоторое время и на земле.

Обговорив в нескольких словах шороховатости, мы двинулись к домику отдыха. О его «петлях» я спросил только, получил ли он удовольствие.

Д. засиял всей физиономией сразу. «Что спрашивать!?»

То, что потом было в домике, мне показалось розыгрышем. Но, оказываясь, всё правда. Нас засекли и назревали грозные события.

Командир сказал единственное: «Ну что, доигрались?..»

Она перевернула лист, но текста больше не было. Досадуя, перебрала оставшиеся письма, нашла страницу с лаконичной надписью сверху:

«Продолжение. (Часть вторая).

...Инспектор по безопасности подполковник К. и старший штурман полковник С. отдыхали вместе с жёнами на речке. Жена К., полная, раздобревшая в домохозяйках блондинка с телом, отдаленно напоминающим женское, дремала в гамаке, и неожиданно достаточно низко пролетевший самолёт заставил её вздрогнуть, чертыхнуться и эмоционально высказать своё мнение по поводу этого. Смысл был такой: когда же ты, дорогуша, прекратишь это безобразие? Отдохнуть порядочным людям не дадут.

Её поддержала жена С., воззившаяся около костра. Мужчины обсудили, кто бы мог летать? Вот как, мол, приборные полёты на «Ути» выполняют...

Решили позвонить на КП дивизии, чтобы припугнуть, благо ехать до профилактория недалеко. Что и сделали. Командир соединения попросил не докладывать о случившемся выше, пообещав примерно наказать «пацанов»...

В общем, в лётном домике мне сказали, чтобы я готовился на парткомиссию, и что я отстранён от полётов по распоряжению командира соединения.

С неприятным чувством кислой тяжести внутри я приплёлся домой. Сказал жене, что, мол, буду ждать взыскания, что мы нарушили задание и отпилотировали над местом рыбалки начальства. Жена не восприняла все всерьёз, для неё это не звучало, и начала рассказывать, какое у нас горе. Оказывается, издох любимый попугайчик Кузька. Кузьку, конечно, было жалко.

Кстати, в этот день у меня произошла ещё одна неприятность. Какой-то бовик отломал антенну автомобиля».

На этом, как она поняла, рассказ заканчивался. Дальше стоял пробел и прочерк. Он словно отсекал предыдущую часть жизни, с которой автор рассказа попрощался так лирично, от той, что ему предстояло ещё прожить.

«...В общем, события разворачиваются так, будто я отмечен в этом году печатью проклятия. Надо мной гонят образцово-показательную расправу. Как сказал один генерал: «Раскрутили, а теперь не знают, как остановить». Трудно видеть в этом какой-то разумный смысл. Скорее всего, его нет. На следующей неделе поеду в Москву, в Главный штаб... Аттестация на снятие с должности уже там. Видимо, ходатайство удовлетворят. Так всегда бывает...»

Убеждён, что этот прекрасный материал достаточно глубоко мной пережит. Кроме того, что я сейчас совершенно растерян, я мучительно ясно сознаю, как у меня не получается писать. Огрехов и просчётов уйма. Но материал, в целом, для литературной обработки прекрасный. И главное, он сейчас лежит на поверхности. Почти ничего не нужно придумывать. Нужно только брать и класть на бумагу. Я достаточно хорошо понимаю, что сам с этим не справлюсь. Поэтому мне чрезвычайно хочется заинтересовать Вас. Материал немного не Вашего стиля, он острый и сомнительный по последствиям, но лежит около нервных центров главных проблем истребительной авиации. Клянусь Вам в этом. И если Вы хотите серьёзно писать об этой авиации, то более благодарной коллизии трудно представить».

В отношении его литературных возможностей, как помнится, она ответила, что у него самого получится всё, без нянек-соавторов и даже учителей. Но если понадобится помощь в целом, – здесь он может спокойно рассчитывать на неё.

Слова же: «не Вашего стиля... если хотите серьёзно писать» – хлестнули.

Отдалённо, зарубкой задетого самолюбия, она припомнила, что тогда, читая эти строки впервые, восприняла их без той боли, какую испытала сейчас.

Для раннего периода романтической восторженности, когда все лётчики казались ей героями, а командиры семи пядей во лбу, когда думала, что главные ЧП происходят в воздухе, а проблемы земные для авиации должны решаться на государственном уровне, когда своим долгом считала – воспеть, возвысить, зажечь... Тогда его упрёк был бы справедливым. Однако позже, поняв многое, она сумела набить себе шишек, пытаюсь коснуться запретных в авиации нестандартных тем. Уже не раз отстаивала проблемный материал, искромсанный редактором, и доказывала свою правоту в острых спорах...

Но ко времени их переписки ещё не состоялся разговор с генералом, отлучившим её от военного неба, и тем самым толкнувшим к завоеванию тех высот и глубин, о которых она раньше и мечтать не смела.

А сейчас... Сейчас она сидела раздавленная сознанием того, что сама ничего по-настоящему глубокого об авиации так и не написала. Лишь под сотню, хотя объёмных, но всего лишь очерков. Размышляющих, спорных, но только статей. Своеобразных репортажей-однодневок, наверное, давно забытых даже теми, о ком шла речь. И все её знания лётной жизни, тонкое понимание человека в небе, сотни судеб, чрезвычайных происшествий, невероятных событий, роковых и счастливых стечений обстоятельств – всё это многогранное богатство ума и души так и осталось в ней...

Она казалась себе сейчас чем-то похожей на старый камин, в котором долго, жарко и почти без дыма горел когда-то согревающий общий дом огонь. Теперь камин лишь теплится и скоро погаснет. И надо ли подкладывать дрова, если теплом его уже некому греться...

Семья – не в счёт. Семье нужна жена-мать-бабушка, наконец-то занявшая отведённое ей природой место. А всем ос-

тальным, её потенциальным героям и читателям – зачем им человек не просто из других десятилетий, а из другого, погибшего, закиданного камнями и грязью мира? Старательно замалёванного несмываемой краской, чтобы новое поколение, не дай Бог, не увидело того прекрасного, целесообразного, мудрого, что было, было! несмотря на прокрустово ложе, в которое власть пыталась загнать всех ...

– Обед на сегодня отменяется? – муж ткнулся губами в её затылок, потом сильно дунул, лохматя волосы.

Она вздрогнула, не услышав, как он подошёл. Рассердилась, рассмеялась, прижалась щекой к его животу – «трудоу мозоли», нажитой ради науки и диссертаций за письменными столами институтских кабинетов.

– Опять что-то не так, и снова недовольна собой! Перестань заниматься самодетством... – у него было поразительное чутьё на её настроение.

Она хотела отшутиться, но зазвонил телефон. Муж поспешил в коридор, снял трубку. Крикнул: «Это тебя!» – и пошёл на кухню.

Звонили из редакции, но не «шустрый, из всезнаек», а давно знакомый ей сотрудник журнала. Сначала он справился о здоровье, потом посетовал, что ушёл «душа-человек старый Главный», шуточно ругнул новое начальство и, наконец, попросил лично ему дать статью, которую он так долго ждал, но она приносила её утром, когда его в редакции ещё не было.

Всё ясно: «шустрый» брал на испуг, измором, но не учёл, какую школу стойкости она прошла. Ему подсказали. Но просто извиниться – мешало самолюбие, не хватило такта. Теперь мудрит... Раньше она и разговаривать бы не стала, отнесла статью в другой журнал, материал того стоит. Но снова куда-то идти, с кем-то разговаривать...

– Пришлите курьера. И ни слова правки – под вашу ответственность, – она не дослушала клятвенные заверения и, повесив трубку, поспешила на кухню, где уже разогревался на плите обед.

«...Материал мне кажется действительно крайне интересным. Я столько почерпнул за это время из области человеческих взаимоотношений... Честь, оказывается, это такая штука, которая позволительна только в молодости. Чем «круче» возраст, тем она обременительнее. Наш командир соединения жаждет генерала, замполит полка – полковника и перевода на вышестоящую. Командир части тоже не хочет связываться. В глаза сочувствует, а за глаза, под дирижерскую палочку начальника политотдела, разыгрывает инсценировку моего морального грехопадения как замполита эскадрильи. Насчет морального права руководить, не знаю, со стороны виднее. Но моральных сил и желания быть среди этого болота у меня уже нет. С каким великолепным счастьем я сбежал бы «на Волгу», на любую должность...»

Остальные письма можно было не читать. Она вспомнила их все. И как развивались события, и кульминацию их, и финал... А потому с чувством отстранённой доброжелательности и безразличия пробегала глазами строки:

«...Крайне тронут Вашим участием. Жалею теперь, что не посвятил Вас в наметившиеся было прояснения в моей судьбе. Я в беде привык оставаться один, а просто сочувствие и жалость... это непереносимо, когда больно».

«...Вы, наверное, знаете, что нашего брата – политработника особо не жалуют за приспособленчество на этом опасном деле – лётном. Фактически лётчики, ослабившие связь с конкретным лётным делом, определяют политику лётной работы как на каждый день, так и в перспективе. Вред от этого невысказанный – физический, моральный... И это стена, которую не обойти».

«... Но всё же я надеюсь... Дело в том, что...»

Для неё не было новостью, что замполитовская должность считалась в лёт-

ных частях ущербной, возможно, потому, что время настоящих комиссаров, от которых можно было ждать вразумительных советов и решительных действий уже прошло, а священнослужителей, коим стоит исповедоваться, ища душевного очищения, ещё не наступило. И лучшее, что мог сделать замполит сверх своих каждодневных агитационных обязанностей, – стараться быть примерным во всём и в нужный момент не побояться стать буфером между рядовым лётчиком и командиром.

Он был другим – мыслящим и дерзким. Знал больше и чувствовал тоньше остальных. Он пытался вырваться из замкнутой сферы привычных понятий не ради разрушения писанных и неписанных законов, устоявшихся в авиации, а во имя совершенствования их. Безобидное ЧП, раздутое до криминальных размеров, ломало не просто судьбу лётчика, а то существенное, радикальное, что он мог бы вложить со временем, по мере служебного роста своего, в решение острых и болезненных вопросов становления боевой авиации.

Понимали ли это вышестоящие командиры, делая из него «мальчика для битья?» Понимал ли сам, что только такие же незаурядные как он, не зятые в униформу авиационных стандартов и личностной обыденности, могут осушить это самое ненавистное ему «болото»?.. В таких случаях борьба за место в иерархии должностей, карьера – не предосудительный эгоизм, а благо во имя высшей цели. Это как в полёте: чем больше высота, тем дальше, объёмнее видишь и можешь разумно влиять на всё, что становится тебе подвластно.

Он мог, мог! заменить тех, кого так обоснованно осуждал: позже для этого появилась возможность. И она, в глубине сознания загоревшись идеей создать произведение о боевой авиации, видела в нём свой главный персонаж в борьбе и хотя бы с частичной победой. Но... его прототип не хотел этого. Жизнь жёстче, сложнее, в ней невозможно про-

жить без компромиссов, и понимая это, она не осуждала его. Как лётчик, он был прав. А как сын Отечества?.. В том далёком прошлом ещё существовало это, растоптанное теперь, понятие.

Она просматривала текст письма, выхватывая отдельные абзацы...

«...Я вёл себя неграмотно только вначале этой моей одиссеи. Но там, собственно, осуществлялись формальности, при которых я мог говорить что угодно, а результат был бы тот же...»

«... Сейчас моя задача: остаться в кресле и провести «рокировку». Первое может получиться, и я для этого предпринимаю кое-что...»

«...Предложенное Вами доброе участие мне крайне важно. Если удастся остаться при своём звании и должности, то может, и он обязательно встанет, – вопрос о моём переводе «на Волгу». Там есть организация, подобная моей теперешней, занятая подыгрываем для работы испытателей. Это не мёд. Но быть там для меня крайне важно...»

Всё решилось само собой. Он не полез по крутой и шаткой служебной «лестнице» боевой авиации, где на одной из ступенек с ним так несправедливо обошлись. Как только представился случай, он просто шагнул в «лифт», не скоростной и не комфортный, рискованный, но возносивший его на тот престижный рабочий «этаж», к которому стремился, мечтая стать испытателем.

И она сама слегка придержала «дверь лифта», помогая ему войти.

«...Как я смогу вернуть Вам добром за добро, не знаю, но оно не забывается... Сейчас читаю Бунина, впитываю его простоту и греческий мрамор, думаю, что как высоко это и недостижаемо».

Она пробегала глазами страницы, не замечая строчек. Многоликая, непредсказуемая память возвращала в ту обстановку и настроение, с каким читала тогда, давно, это письмо.

Она ехала в поезде, лёжа на верхней полке, и тусклый свет лампочки над

головой едва высвечивал мелкие буквы на дрожащем от тряски вагона листе. Было душно, жарко и беспокойно на душе: материал, который нужно было собрать в ответственной командировке, заранее виделся заземленным, скучным. Надо было придумать, чем его оживить. Хорошо, что успела загодя порыться в библиотеке и найти то, что уже было напечатано про знаменитого человека, о котором предстояло писать. И она молила Бога о том, чтобы заслуженный деятель районного масштаба оказался еще и яркой личностью.

«...Не сердитесь на меня, что так долго молчал. Я так молчал, что у меня всерьёз заболело сердце, так что невозможно было спать. Открыл с помощью докторов изумительное лекарство – «эленуим» (от страха, бешенства и запора). Слава богу, на кардиограмме ничего нет. А то ведь совсем завал. Ну, теперь уже всё пойдёт в гору. Должно пойти. Приняли меня насторожённо, но по-доброму. В общем, я тут третий день и еще не во всём разобрался. Но интересного здесь – до щенячьего визга...»

«...Итак, я на месте и, по-моему, созрело время для практических дел во славу авиации и литературы. Хотя Вы, конечно, можете заметить, что оно, это время, давно созрело, что совершенно справедливо. Чувствую настоятельную потребность поговорить с Вами. Обстоятельно, не торопясь, без помех... Как я понял на свой счет, Вами задумана большая работа на примере моей кривобокой судьбы. Моя задача охватить не только событийный материал, но главным образом чувственный, эмоциональный. Честно говоря, последнее пока не выходит. А раньше, в отрочестве, вроде бы получалось. Потерялась способность реагировать на события образно. Конечно, надеюсь, что не совсем. Хотя вся эта моя история чуть не закончилась шизофренией. Во всяком случае, невроз я себе схлопотал. Слаб оказался на расправу...»

Следующее письмо, судя по штемпелю на конверте, было выслано недели через две. Она читала его дома,

была больна, но, разумеется, не лежала. Дети тоже болели, у мужа предстояла защита диссертации, он нервничал, так что настроение было не из тех, когда хочется думать о других. Но его письмо показало глотком воздуха из совсем другого, недоступного для неё мира.

«...Как я устроен теперь? Сказать, что есть в моём положении стабильность, не могу. Завтра определят официальной бумагой замполитом эскадрильи в часть, которая прямо к здешней работе отношения не имеет. Одновременно я буду учиться в Школе (испытателей), где мой статус также пока неясен. Самостоятельно веду переговоры в местном филиале МАИ. Надо сдать в этом семестре математику и сопромат за третий курс. Прикинул – справлюсь. Придется работать на перспективу: многое даётся авансом, поэтому вниманием к моим возможным промахам я обойдён не буду...»

«...Можно здорово поработать на бомбардировщиках. Честно говоря, хочется. Тем боле что там, куда я причислен, большая «лафа» в этом плане. Народу мало, а машин наоборот. Ну, ладно. Всё это пока мираж. Аппетит, говорят, приходит во время еды. А я ещё к этой еде даже не приступал...»

Устроюсь, обязательно зазову Вас в гости. Материал здесь богатейший, уникальнейший... И, ради Бога, не сердитесь, что письмо короткое. Я хороший. Поверьте... Вам бы на моё место. Знаете, каково между небом и землёй?..»

«А каково быть прищипленной к земле самыми прозаическими заботами?.. Тогда я отдала бы всё, что мной было и будет написано, ради единственного самостоятельного вылета на сверхзвуковом...», – она печально усмехнулась.

Следующее письмо было длинное, почерк слегка другой – размеренный, неторопливый. Его писала отдыхающая рука и душа умиротворённая.

«...Чрезвычайно рад Вашему письму. Честно говоря, я уже решил, что потерял Вас, и это была весьма груст-

ная мысль. Моё положение приобрело за этот период устойчивость... Главное, что я опять летаю. Восстановился днём при минимуме. К сожалению, я не могу описать всех деталей моего устройства и особенностей местной жизни из опасения «редакции» письма. Я думаю, что смогу увидеть Вас здесь, вот и расскажу всё в подробностях».

И тогда, и сейчас она только улыбнулась: после тихой и вежливой «ссоры» в Главном штабе ВВС путь «на Волгу» был ей закрыт. И особого желания встретиться не было: боялась, что разветвется образ, сложившийся по письмам.

«...Если Вы будете писать об испытателях, не возвышайте их. Они как раз интересны и велики в своих человеческих слабостях и мелочах... Я заметил две тенденции в этом плане. Или вообще это отсекается, или разговор идет как бы мимоходом... Как же научиться писать сдержанно красиво и величаво о любой мелочи? Понимаете, в этом весь гвоздь... Вы не правы, если думаете, что я ничего не делаю. С тех пор, как Вы дали мне толчок, я многому научился, во многом перестроился... Веду дневник. Уверен, он когда-нибудь пригодится».

«...Насколько я понимаю, у Вас сейчас не идёт дело... Точнее, не так, как Вам бы хотелось. Ничего, оно когда-нибудь должно обязательно пойти. И я ещё не растерял веры в то, что смогу Вам помочь...»

Теперь он утешал её... Слегка снисходительно, но искренне. Кажется, они поменялись ролями. Что ж, это закономерно: он взлетает, набирая головок-ружильную высоту, она тащится всё на той же высоте приземной, в «болтанке» восходяще-нисходящих потоков.

«...Многое в Вас мне кажется лишним, если идти от идеала, но всё становится побоку, когда останавливаюсь перед пока необъяснимым и странным для меня Вашим качеством оставаться на страже истины при всех разбросах, понимать суть, хватывать инту-

итивно главное. Ваша сила в творческом импульсе. По-моему, редкий дар».

«...О сюжете думаю, но пока ничего путного в голову не приходит».

Тогда она видела их совместное произведение целиком: абзацами, страницами, главами. Но только до того момента, когда Он шагнул в «лифт». Здесь пути реального и вымышленного литературного героя расходились.

Она упрямо вела своего многострального, но стойкого, работающего и талантливую замполита по будничной, шаткой служебной лестнице боевой авиации в командные верха, застревая вместе с ним почти на каждой должностной ступеньке. Его умом и волей отвоевывавая марш за маршем в бою с перестраховщиками от авиации и фразёрами от партии, окопавшимися на земле и забывшими основные заповеди неба. Он должен был побеждать рутину и осушать «болото», о котором писал – блестящий лётчик, настоящий гражданин, командир, человек – и всё это с большой буквы. С боеготовностью несгибаемого духа, с безопасностью нужных решений и верой в душе.

Святая наивность... Она была искренна в своем желании создать жизненно-проблемное произведение, где в художественной, свободной форме можно было бы развернуть те туго сжатые служебно-личностные пружины, тайные мотивы, причинно-беспричинные связи, необъяснимые психологические эксцессы, которых невозможно коснуться в материале документальном, в узких рамках газетных и журнальных статей. Мечта о многоплановом романе была не просто тоской по простору и вольности, по возможности разгуляться прилагательными, пощеголять образами, понаслаждаться красками душевной палитры. Даже посорить словами, играя диалогами, и не натягивать вожжи, обуздывая фантазию. Хотелось вывести своих героев, а вместе с ними и себя на другой, более высокий уровень мироощущения, миропонимания, а значит и мировоззрения, формирующего убеждения, идеологию, основанную на су-

ровых, но справедливых законах, которые диктует человеку Небо.

Но проза не поэзия... Стихи можно слагать в парке, в метро, на занятиях, торопливо записывая осенившие тебя строки на клочке бумаги, если затерялся блокнот, чтобы потом в уединении довести до совершенства, на какое поэт способен. А рассказы, повести, неповоротливые романы изначально требуют бездну времени, пишущей машинки и хотя бы относительного покоя, которого у действующего журналиста, конечно, нет, и не предвидится.

Литературному труду нужно одиночество, временное отречение от суеты мирской. Ему нужна келья с запирающей дверь и распахнутым в небо окном... Но уйти в добровольное заточение, не на месяц – на год, выпасть из сферы основной работы... Всё равно из творческого запоя будут выдёргивать события радостные или печальные. Они непременно пойдут косяком – это уже проверено. И будет что-то нервно трястись внутри, и медленно рваться сердце.

А потому она писала роман... в уме, урывками. То в дороге, то в ожидании деловой встречи, то в магазинных очередях, то бессонными ночами дома, когда приходилось что-то шить, готовить, убираться. Она отвела заветным мыслям крохотную зону в самых дальних, словно на краю Вселенной, закутках мозга. И всё же сокровенные мысли как блошки проскакивали, как вода просачивались в очередной, обыденный материал, придавая ему то гражданскую остроту, то художественную свежесть. Но, как ни странно, мыслей и чувств, словно в сказочном самоварящем горшочке, не убывало. Ей казалось, что мозг подключился к какому-то неиссякаемому источнику думающей Вселенной.

Она не писала ему об этом, уже тогда понимая, что соавторами им не быть. Он творчески одарён и непременно придёт к своей, только ему доступной, теме. Не сразу – сначала утвердится, влетается в ещё чужое для него, непривыч-

ное, а потому сюрпризное испытательское небо. Небо, которого гораздо позже, с другого аэродрома и лишь очерково-поверхностно коснётся и она.

Вскоре от него стали приходиться лишь поздравительные открытки.

Она не обижалась, не расстраивалась. Творческий материал не кусок хлеба, им не обязательно делиться, тем более, если появилось желание и уверенность, что осилишь в одиночку. Всё было логично и неизбежно. Провидение, сведя ненадолго вместе непонятно зачем и ради кого из них траектории двух судеб, вновь развело каждого по предписанным им эшелонам высот, так и не дав возможности сделать то, что могло стать чрезвычайным событием не только их, но, быть может, и лётной, и общественной духовной жизни страны.

«...Поздравляю Вас и Ваших близких с праздником Нового года! Желаю всяческих благ и, прежде всего, жажды пространства, потому как дорогу осилит идущий, и главное – жажда, которую ничем не утолить, которая мучает, будит ночами, отнимает мысли и проходные удовольствия. Да здравствует дорога и долой зеркала, которые заставляют останавливаться и вызывают довольно-таки глупый интерес к собственной персоне. Всё мимо, кроме бесконечно интересной дороги...»

Дорога эта была только его и «зеркала» тоже. От высоты, на которую он так трудно и заслуженно взлетел, видимо, голова шла кругом...

«Лишь бы в порыве самоутверждения не перекрыл сам себе кислород», – думала она, подавляя в себе тревожные чувства. Поздравив с Днем Советской Армии, намекнула, но мысль развивать не стала: нельзя на человека давить.

«...От всей души поздравляю Вас с праздником 8-го марта! Даже не знаю, что пожелать? Прежде всего, здоровья и возможности ещё не однажды хорошо полетать. А женственность, обаяние, писательская интуиция и талант – они у Вас есть. Нужен только случай,

чтобы вновь расцвели новым цветом, ещё более пышным и неповторимым. Пусть повезет Вам на такие случаи, чтобы через всю жизнь отозвались гулким, весенним, задорным эхом».

Это напоминало панегирик на похоронах. Compliments раздражали её всегда: словно мужчине нечего сказать деловой женщине, и он прячется за них.

«...С Первомаем Вас! Удачи большой, увесистой, чтобы перо само кинулось бежать по бумаге, неудержимо. О себе? – вышлю письмо. Я его пишу почти месяц. Всё не могу ухватить мысль. Блёкло получается и глупо.... А сейчас – с праздником Вас! И меня, мне стукнуло 33 года».

«Он на десять лет моложе меня. Значит теперь ему под шестьдесят, для мужчины это – не возраст, – подумала она, ловя себя на мысли, что не знает о нём больше того, что он писал: не было случая и причины интересоваться. – Где он сейчас? Возможно, там же, «на Волге», на какой-нибудь уже нелётной должности. Если повезло – генерал... А может, уехал – страна большая. Странно, что я о нём никогда ничего больше не слышала. Не стремилась к этому – забыла. Каприз психики, своего рода амнезия затурканного собственными творческими заботами журналиста... Интересно, написал ли он книгу, которую мечтал держать в руках? Если и написал, то конечно об испытательной работе. Стресс нештатных ситуаций, нацеленная напряжённость полётов должны были обострить писательский дар, углубить желание познать самого себя, что бесконечно любопытно страждущему читателю.

Беспроектная тема... А боевая авиация так и останется сиротой».

Первомайская открытка была его последним посланием. Она ответила что-то вежливо и коротко. Обещанное длинное письмо от него так и не пришло. Возможно, вмешалась цензура, небрежно сработала почта или письмо залежалось на его письменном столе, она выяснять не стала. А чтобы несостоявшаяся тема не мешала всем ос-

тальным, насущным и не менее важным, собрала его письма, запечатала. И память обо всём вместе взятом – тоже.

Она редко бросала начатое, но если уж так случилось, то навсегда.

Вот уже третий день, проводив внучку в детсад, она торопилась в читальный зал библиотеки, сама не зная, зачем идёт, и что будет искать.

В утренние часы огромная комната с лепными потолками и тесно уставленными тяжелыми столами была переполнена, но находилось свободное место где-нибудь в углу, откуда хорошо видны низко склонённые головы девчат и упрямые затылки парней, которых было много меньше. Молодёжь, несмотря на государственные катаклизмы, а возможно, благодаря им, упорно грызла гранит науки. В большие окна лились солнечные потоки весны, и её охватывало сосредоточенно-праздничное настроение, какого она не испытывала уже давно.

Набрав стопку авиационных журналов за последний десяток лет, она листала их, не надеясь найти что-нибудь полезное для предстоящей, ещё туманной и сомнительной работы – писать по чужим материалам никогда не любила и не могла. Но ей до боли остро хотелось вернуться в заветную тему, хотя бы мысленно почувствовать её крылато-кабинный дух, войти в состояние, предшествующее полёту, и вновь оказаться в области, не обозначенной на картах земных и когда-то ею же названной «страна Авиация».

На страницах журналов зияли аккуратные дыры: страстные любители вырезали истребители, вертолёты – всё, крылатое, составляя собственную коллекцию. Возникло двойственное чувство: досады и приятного удивления. Значит, есть ещё поклонники и будущие служители или завоеватели Неба.

Афганская тема, которая волновала её всегда, была раскрыта скупой. Несколькими очерками о мужестве вертолётчиков и лётчиков штурмовой авиации.

А сколько героев этой странной, ненужной войны, героев не надуманных, настоящих, так и остались в зыбкой безвестности... Как отчаянно, приводя разные доводы, добивалась она командировки в Афган, и слышала в ответ: «Вот если бы у вас было воинское звание...» Звания не было. Было стойкое, по-женски чуткое, глубинное осознание особенности мужской работы, сопряжённой со сверхумением, сверххриском, сверх всех качеств личности человека, проявленных исключительными обстоятельствами и проникновенно, как никем другим, понятых ею. Так казалось...

Но к чему сейчас забивать себе голову тем, чему не суждено было сбыться?

Журналы поразительно отражали все перипетии девяностых годов. Сначала они становились тоньше, замухрыстее внешне и острее, откровеннее в затронутых темах о потере престижности авиации. Нашла и свою статью, последнюю авиационную. Прочла её отстранённо, как чужую. Подумала:

«Не блеск, но всё разобрано обстоятельно, с фактами и примерами, которые раньше цензура препарировала бы как злокачественную опухоль, а здесь даже редактор свои коррективы почти не внёс. Да и слепому видно, глупцу ясно, что разделить заводы, лётные части, училища по новоиспечённым, суверенным государствам – всё равно, что разогнать летящую стаю птиц, да ещё перья у птиц выщипать. А потом удивляться, почему гнёзд не вьют, птенцов не выводят и вообще померли...»

На его статью наткнулась случайно. Не обратив внимания на фамилию автора, она отметила не совсем обычное название, запнулась на подзаголовке «Заметки лётчика-испытателя» и застряла на фразе в первом абзаце:

«... Беда наших политорганов в том, что идеология была оторвана от познания роли человека в системе «человек-машина-среда» и «коллектив-техника-среда...»

Всё, что дальше, три страницы убогистого текста, читала, заранее зная,

чью фамилию увидят под статьёй. Это был его стиль, но отточенный, ёмкий. Язык профессиональный, лётно-психологический, свойственный подготовленному автору и понятный лишь осведомлённому читателю, но с той неожиданной простотой предельно-ясных оборотов и образов, которые проскальзывали, намечались в его рассказе и письмах. Текст был насыщен информацией общей, и той, что из области собственных открытий.

Он писал об особенностях восприятия лётчиком показаний приборов, своего места в небе и по отношению к земле; о мыслительных процессах мозга в момент стрессовой ситуации и необходимости приспособить эргономику кабины к возможностям человека. Сравнивал с постановкой дел в Америке.

Вопросы, давно изучаемые авиационными психологами, сейчас не взволновали её. Но в череде полужнакомых тем ярко, так, что в висках застучала кровь, высветилась та, что когда-то давно привела в Главный штаб и поставила крест на её служении военной авиации. Только теперь о явных и скрытых просчётах в боеготовности и безопасности полётов заявляла не дотошная журналистка, а утверждал лётный специалист. Потребовалась Перестройка, зачатки гласности, чтобы дозволено было заявить правду печатным словом:

«Оперативное пространство и формационного и боевого взаимодействия в полёте за последние пятнадцать лет увеличилось на порядок. Тенденция роста продолжается. Но после «застойных» запретов на пилотажи мы ещё толком не научились владеть пространством ближнего боя, особенно на вертикалях. Динамика и интенсивность смены информации при взаимном боевом манёвре большими группами самолётов вообще остаётся вне изучения. Лётчики, выполняя трафаретные полёты на перехват, когда цель подыгрывает перехватчику, убеждают себя в том, что умеют воевать. А на деле пропущен качественный скачок в развитии боевой авиа-

ции, который предстоит ещё осознать, а уж потом навёрстывать...»

Жаром вспыхнули щёки, озноб волнения пробежал по спине: умственно и духовно они снова были на одной волне, на одной траектории полёта.

Она посмотрела на обложку журнала и горько усмехнулась – тысяча девятьсот девяностый год... Осознавать что-либо и навёрстывать было уже поздно. Худшее назревало, оно началось уже тогда. И весь заряд его нацеленных мыслей оказался не боевой, а всего лишь сигнальной ракетой, которую вряд ли кто заметил.

Под гнётом невесёлых размышлений она дочитала статью. Отметила, что написано умно, углублённо, дальновидно, с позиции авиационного психолога-лётчика и политработника, ещё до конца не понявшего, что загнан государственной неразберихой и сменой идеологий в тупик... Он давал мудрые советы, делал прогнозы, которым не суждено было сбыться. Уповал на значение человеческого фактора, ещё не зная, какая горестная судьба ждёт самого человека и всю «страну Авиация»... Статья чем-то смахивала на реферат диссертации, написанный нестандартно, с вольным полётом мысли и раскованной рукой. Можно было предположить и заявку на объёмный психологически-философский трактат на лётную тему.

Но будет ли в этом трактате настоящее время? Анализ причин взлётов и падений боевой авиации за ушедший век не в масштабе мира, а в собственной стране. Не в общих чертах, а конкретно, по времени и фактам. Клич двадцатых годов: «Все – на планёры! Даёшь самолёты!» Великие перелёты тридцатых, просчёты и подвиги сороковых, надежды пятидесятих и трагедия начала шестидесятих годов, когда небо завоевали стратегические ракеты, а истребители за ненадобностью резали автогенном... Когда неприкаемые лётчики, не находя себе места ни в воздухе, ни на земле, наставляли детей не связывать свою судьбу с авиацией... А она возродилась, как птица Феникс, и на-

брала достойную высоту, чтобы через три десятка лет... трагедия повторилась. Но уже в ухудшенном, почти безнадёжном варианте.

...Она ушла из библиотеки раньше обычного. Долго бродила в сквере, размышляя о том, о чём последние годы, понимая бессмысленность протеста, запрещала себе думать. Потом забрала внучку из садика, но ни сказка о говорящем скворце и белых лебедях, сочинённая на ходу по требованию девочки, ни пирог, едва не сгоревший в духовке, ни эмоциональные, разнотемные разговоры с дочерью и мужем, не могли утихомирить грызущие душу мысли. Плотина самозапретов дала трещину и готова была прорваться.

Её бодрила смутная радость освобождения, как будто давивший на сознание пласт раздумий и чувств, вот-вот хлынет, сметая все сомнения животворящим потоком. Только в какое русло его направить? Или дать волю, пусть проложит новое, уже наметившееся в ней пока нестойко, ещё пунктиром?

Весь следующий день она листала страницы журналов уже механически, почти ничего не читая. Отметила, что, выживая, они стали сливаться. Для личностных и проблемных тем места уже не находилось. Сборники вводили читателя в историю создания техники, рождения и жизни знаменитых КБ, своих и зарубежных, как сериал – из номера в номер. Глянцем заблестели обложки с фотографиями сверхновых отечественных истребителей, бомбардировщиков, вертолётчиков. С подробным и красочным описанием авиа-шоу в небе Франции и Москвы. С указанием стран зарубежья, охотно покупающих нашу сверхсовременную технику, которой в российских строевых частях, наверное, нет.

Особое место, как всегда, занимал космос, выходящий на коммерческую орбиту, что сулило ему дальнейшее процветание. Но космос её не волновал.

На пятый день она поняла, что больше страдать над журналами не может,

и окопалась возле телефона. Многие номера из старой записной книжки оказались давно изменёнными, на справочной 09 что-то мудрили, не находя нужных ей абонентов. А может, давние знакомые уехали или отправились в мир иной...

О нём она тоже думала. У всех, кому дозвонилась, пыталась узнать, где он теперь. Но полоса загадочного забвения, видимо, ещё не закончилась: о лётчике-испытателе с фамилией от старославянского имени слышали, но адреса никто не знал. Она ловила себя на мысли, что не адрес ей нужен и не встреча. А книга. Статья в журнале теперь казалась заявкой на объёмный, ни на чей другой не похожий труд. Она жаждала его прочесть и... боялась разочароваться.

«Далась мне его книга!..» – сердилась она на себя, понимая, что не его эфемерное творение волновало её, а собственное. Не из прошлого, написанное в уме и развеянное временем. Что-то необычное скреблось в душе, словно ещё не вылупившийся птенец готовился пробить скорлупу ставшего ему тесным дома.

К вечеру, выдохшись окончательно, так и не поняв, что искала и что нашла, она твёрдо решила завтра же отправиться в редакцию газеты, где когда-то работала. Название некогда популярной газеты слегка изменилось, но, судя по умеренным публикациям, без оттенка «желтизны». Помолодевший коллектив остался верен прежним традициям. А там... там видно будет, как действовать.

«Под лежачий камень вода не течёт, – мудрый афоризм с собственным дополнением: – ...если камень не сдвинуть», – давно стал её девизом.

Не давала покоя дерзкая мысль: напроситься в командировку, в любую боевую часть. Но она тут же представляла себя глазами незнакомых лётчиков: морщинки на увядшем лице, седые волосы в строгой причёске и непонятно от чего сияющие глаза. Нет, на такой отчаянный поступок она была ещё не готова.

Можно наведаться в городок к лётчикам-испытателям, где её помнят и на аэродром проведут. Или в подмосковную часть, где тренируются именитые пилотажные группы для показательных выступлений на отечественных и зарубежных авиа-шоу. Но там сейчас всё другое – по-прежнему элитное, но раскуроченное перестройкой, и заново сшитое по рыночной мерке.

Она была на первом Московском авиационно-космическом салоне. Групповой и одиночный пилотаж современных истребителей поражал виртуозностью исполнения необычных фигур. Оформление разноцветными дымами красиво гармонировало с синевой и удивляло своей эффективностью. Небо казалось тесным и слишком опасно приближённым к земле, что заставляло толпы зрителей то замирать, то кричать от восторга... Но всё это чем-то напоминало цирк и работу воздушных гимнастов без страховки.

Шоу освещали фото- телекорреспонденты, журналисты с диктофонами и блокнотами. Слышалась иностранная речь. Внешне всё казалось благополучно и празднично. Но она понимала, какая безысходность, какой риск прячется за желанием показать товар лицом, и уезжала с тяжёлым, горьким чувством.

...Размышления прервал телефонный звонок.

– Бабуля, я по тебе соскучился. Приеду завтра, жди, – внук был как всегда категоричен. Весь в отца, хотя в восемь лет тот не был таким самостоятельным. Значит, завтрашний день сложится не так, как запланировала. А впрочем...

– Обязательно приезжай. Пораньше и на целый день, у меня есть идея... – она постаралась придать голосу безразличную интонацию, но напрасно.

– Ура! – завопил внук так, что зазвенело в трубке. Он обожал бабушкины идеи, которые всегда превращались в самые неожиданные события.

Сначала они ехали на метро, потом на электричке и недолго на автобусе. Внук изнывал от любопытства, но, изу-

чив бабушкин характер, знал, что расспрашивать бесполезно, всё равно раньше времени не скажет. А потому глазел по сторонам и рассказывал о бедах школьных, которые сам же и творил.

За разговорами не сразу обратил внимание, куда они пришли. А когда увидел, замер, словно разверзлась у ног земля. Но перед ними было ровное поле, расчерченное полосками ещё не растаявшего снега. Поле, на которое с давних пор на вечную стоянку приземлялись некогда уникальные и самые обычные, серийные летательные аппараты.

Небо было подёрнуто дымкой, отчего везде разливался приглушённый, необычный свет. Но вот из-за облака выплыло солнце, и крылья – прямые и скошенные назад, фюзеляжи – пузатые и поджарые, остекление больших и маленьких кабин – всё вспыхнуло серебристыми или слепящими бликами.

– Что это? – шёпотом спросил внук.

– Музей... – заметила в глазах внука недоумение, – под открытым небом.

«Почему раньше я не приводила его сюда? Всё считала маленьким...» – легонько царапнула её совесть, и она подумала, что именно в этом возрасте непременно должна загораться в детях прекрасная, пусть даже несбыточная мечта. Иначе жизнь будет приземлённой, ограниченной, ради плотских утех и желудка, насытить который невозможно. И появляется неудовлетворённость, зависть, озлобление, а в заключении – «Жизнь не удалась...»

Подумала о том, что сама бредила небом, сколько помнит себя. Хотя время тогда было другое: спасение челюскинцев, перелёты Чкалова, Гризодубовой, сотни авиаклубов. Небо звенело песней моторов, земля дышала атмосферой полётов, души подростков жаждали подвига и почти все мальчишки мечтали стать военными лётчиками. Особенно во время и после Отечественной войны.

«А сейчас... Но разве не мы – взрослые – виноваты в этом? Что я сама написала для пацанов?..» – мысль обо-

жгла, словно по размягченной ностальгическими воспоминаниями душе стегнули крапивой.

В последний раз на этом уснувшем лётном поле она была давно. В то время самолётов стояло много меньше, а народа – не протолкнуться. И на душе – восторг. Ветер лохматил волосы, к едва уловимому запаху горячего примешивался аромат луговых цветов, каким-то немыслимым образом умудрявшихся выживать под ногами посетителей. Казалось, вот-вот прозвучит команда, зарокочут двигатели, самолёты один за другим порулят к бетонке и начнут взлетать в небо, где им положено жить.

Сейчас крылатых экспонатов значительно прибавилось, но около них было лишь двое: пожилая женщина и мальчик. Она чувствовала одиночество, сиротство в себе самой и окружающем их пространстве. Внук волновался.

– Почему молчишь? – выдернув руку из её ладони, он помчался к ближайшему самолёту. Крикнул издали: – Это бомбардировщик? А там истребители? Ты мне недавно такой подарила?.. Пассажирские – это те, что с окошками? Ты на каких летала? Я тоже хочу!

Они ходили между самолётами, вертолётами, внук слушал её, перебивал вопросами. Спорил. Он кое-что знал, выходит, одолел-таки книгу о знаменитых авиаторах и самолётах, которой она зачитывалась подростком. Возможно, отец помог. Он тоже в юности заболел небом. Но муж был неумолим, его трезвый ум физика оказался сильнее, доводы – убедительнее романтических планов. И она сдалась: сын поступил не в лётное училище, а в университет.

Внук бегал между самолётами, трогал крылья, подпрыгивал, пытаясь разглядеть что-нибудь за остеклением кабин. Она любовалась долговязым, поддетски угловатым, но ловким мальчиком. Забегая на десятилетие вперед, невольно прикидывала, как он справится с тестированием при поступлении в лётное училище, хотя к тому времени требования и методики отбора станут другими. И техника будет другая. Всё

изменится, кроме Неба. Суждено ли внуку коснуться его, познать, завоевать? А может, потом и написать об этом...

Душа тревожно наслаждалась, словно в предчувствии обещанного полёта.

Эллинг, в котором раньше размещались малогабаритные экспонаты, сотни фотографий и документов, бережно развешенных по стенам, был закрыт на большой амбарный замок. Она знала, что есть другой вход, запасной, и пошла вокруг здания, скользя по талому снегу и раскисшей земле.

Внук побежал вперёд. Вскоре она услышала его звонкий голос и что-то бубнящий мужской. Она прибавила шаг и, выйдя из-за угла, увидела парня, одетого не в пятнистую десантную форму, модную среди молодёжи, а зимнюю лётную куртку, выгоревшую на плечах и спине. Парень был хмур, небрит и слегка под хмельком. На её короткое «Здравствуйте» ответил небрежным кивком. И не давая ему возможности заявить, что музей закрыт, а потому делать ей и мальчишке здесь нечего, она спросила первое, что пришло в голову:

– Камовский вертолёт, небось, своим ходом доставлен? «Миги» хороши, только надо их сгруппировать с учётом модификаций, нагляднее получится. А «сушка», похоже, в Афгане побывала – на плоскостях отметины...

У парня удивлённо приподнялись брови, он посмотрел на неё недоверчиво и посторонился, пропуская в дверь. Внук проскользнул первым и замер, растерянно-алчным взглядом обозревая обширное помещение, завешенное и заставленное чем-то крылатым, картонно-пластмассово-металлическим, летящим и приземлившимся на стеллажах и стендах.

Ближе к двери, за небольшим столом сидело трое. Двое парней в матерчатых лётных куртках «ДС-ках» были не старше охранника музея. Мужчина лет тридцати в кожанке показался ей знакомым. Он тоже пристально присмотрелся к ней, потом встал, неуверенно назвал по фамилии.

– Вы здесь?.. Почему? – ахнула она, узнав одного из героев своего очерка о курсантах – лучших выпускниках училища. – Вы же мне писали, что...

– Вы тоже писали... – в голосе осуждения не было, лишь горечь.

– Может, присядете с нами, – неуверенно предложил охранник и придвинул к столу ещё один стул.

Она кивнула, но вспомнила о внуке, в растерянности застывшем у двери.

– Сними шапку, расстегнись, здесь не холодно. Посмотри экспонаты, только руки – за спину. Что не поймёшь, потом объясню, – она уловила взгляд мальчика, улыбнулась ему, решительно сбросила на спинку стула пальто и уселась плотно, впервые за последние десять лет чувствуя себя в родной стихии.

Охранник молча разлил по стаканам остатки водки, придвинул к неожиданной гостье кружочки колбасы на одноразовой тарелке, крупно нарезанные ломти хлеба и миску с огурцами. Она открыла сумку и выложила на стол захваченные из дома бутерброды. Вооружившись огурцом, решительно подняла наполненный на треть стакан.

– За то, чтобы вы снова летали, – уловив настроение, догадываясь о теме прерванного разговора и заранее зная, о чём пойдёт речь дальше, она сделала небольшой глоток. Пристально глянула на всех сразу и в то же время каждому – глаза в глаза. Тут же забыла про свой возраст, стало неважно, как выглядит, и что подумают о ней. Она вернулась на родину, домой и каждый встречный – её родственник или давний знакомый, о котором теперь она должна знать всё.

... – Наш выпуск ещё успел в строевых частях полетать, даже на третий класс, кому повезло, наскребли. Мне подфартило – майора присвоили, прежде чем в запас списать. А вот эти... – старый знакомый кивнул на парней. – Расскажите-ка журналисту, ребята.

Ни обиды, ни осуждения в его голосе не было, но она опустила глаза, словно несла тяжесть ответственности за тот

оптимизм, каким был наполнен её десятилетней давности очерк, и слова-желания, сулившие новоиспечённым лейтенантам высокого Неба. Но небо предала земля...

– Теорию, инструкции, самолёт знаем – аж зубы ломит, по ночам снятся...

– Топлива не было... Два-три провозных полёта, чтобы небо понюхали, как инструктор сказал. Лучше бы не травили...

– Выпустили из училища нас в срок, но ... без права летать. Абсурд.

– Теперь каждый устраивается на гражданке как может...

Где именно, парни не уточняли, она не решилась спросить. Но, по всему судя, в коммерсанты не выбились, в бандиты не пошли. Говорили безразлично, скупо. Так говорит смертельно больной, уже смирившийся со своей участью.

– С нами всё понятно – не состоялись лётчики ... А вот как с этими быть? – охранник кивнул в сторону внука, прилипшего к модели ракетноносца-перехватчика, величественно и грозно вознёсшегося на дюралевом стержне. – Кто будет молодых учить, когда для оборонных государства найдутся, наконец, и топливо, и современные самолёты? Эти новые бестии с электронной начинкой, бешеной маневренностью и перегрузками за девятку, их же оседлать надо!

– Посмотрели шоу на авиа-космическом салоне... Здорово, ничего не скажешь, а что рядовому лётчику даёт? Завидно становится до неприязни. Всё равно, что безногого велосипедом дразнить...

– Половина училищ закрылось, опытных инструкторов – на покой. В боевых полках – недоучки. Это же... – майор запнулся, придерживая едва не сорвавшееся с языка крепкое слово, – ... предательство. Разорвать преемственность поколений всё равно, что... ствол живого дерева распилить.

Её поразила точность образа: авиация – живое дерево, корни которого уходят в вековую глубину лётного мастерства. И от того, в какой почве они

укрепились, чем питаются, как дышат или замурованы в бездуховности, зависит мощь и плодоносность кроны. А если ствол кромсают пилы и топоры...

На электроплитке, стоящей на табурете, уже давно исходил паром чайник. Внук, устав бродить в одиночестве, приутился рядом с бабушкой и слушал непривычно тихо, не спуская внимательных глаз с говоривших, словно пытаюсь вобрать в себя даже то, что ещё пока не может понять.

– О какой боевой готовности можно говорить, когда строевая авиация на ладан дышит? ПВО боевые дежурства едва тянет.

– Объединение с ВВС ничего, как мне кажется, не сулит. Это всё равно, что два инвалида будут подпирать друг друга...

– Да нет... – резко возразил майор. – При существующем состоянии экономики, в масштабе государства этот шаг оправдан. Только много ли даст?..

– Что-что, а безопасность полётов обеспечена, ...когда на земле сидят.

– Знаете, что чувствуешь, когда не в спарку, а в боевой садишься, имея за душой десять часов налёта... в год!? Счастье и... мандраж, аж колени трясутся, – в прищуренных глазах майора застывшие злые слёзы. – Нам, «старикам», навыки помогали, а лейтенанты-пацаны... Да на «МиГх» двадцать седьмых, двадцать третьих или «сушках», у которых ресурс почти вылетан, а значит, жди сюрпризов. И всё-таки это была жизнь... Пока полк не расформировали.

Ничего нового для себя она не узнавала. Но чем глубже уходил в детали и скорбные подробности разговор, тем больше почти материнской нежности, уважения и боли испытывало её сердце. Тем острее чувствовала вину, к ней конкретно не относящуюся и в то же время собственную.

Раньше она считала себя в долгу перед теми, о ком обещала, но не успела написать или забыла в обилии сюжетов, сутолоке событий и дел. Оправдывала себя тем, что невозможно

объять необъятное, и с этим смирялась душа. Теперь душа страдала, вобрав тоску парней, их состояние обречённости и бессилия.

Она корила себя за несколько лет молчания, за измену всем обиженным, униженным правительством, государством и судьбой лётчикам, у которых украли мечту, убили надежду и растоптали веру в то, что они Отчеству нужны. Защитники, лишённые права защищать собственную страну!..

Сердце билось рывками. Тело, казалось, испытывало знакопеременные перегрузки, отчего горело лицо, туманом застилало глаза. Но, как в прежние годы, ум был активен, ясен. Потребовался толчок, чтобы разбудить его, как заснувший в режиме ожидания компьютер. И экран души вспыхнул, неожиданно ясновидяще, прозорливо, высветив чужие судьбы и строчки-мысли, замерцавшие в памяти тёплым светом, как в проталине возрождённой жизни.

Договорившись с новыми друзьями о встрече в ближайшее воскресенье на заброшенном аэродроме, где лётчики-отставники и пилоты-любители уже год создавали свой клуб, где вполне возможно встретить старых знакомых, и уж точно окунуться в атмосферу полётов и откровенных разговоров обо всём, она попрощалась торопливее, чем хотела, чем требовало того приличия. Записала на газете, расстеленной на столе, номер своего телефона и забыла узнать адреса парней, изменив своей давней профессиональной привычке.

Всю дорогу невпопад отвечала на вопросы внука, а когда заметила, что тот обиделся, пообещала взять с собой на аэродром, и рассеянно слушала восторженные фантазии мальчика. Ненаписанные строчки созревали и бились в ней, как не рождённые дети. Она понимала, что теперь будет трудно, а может, напротив, легко вынашивать плод своих знаний, страданий, испытывая необъяснимое чувство, очень схожее с тревожным материнским счастьем.

Уже дома, наскоро приготовив ужин и дождавшись деда с внучкой, ушла в

комнату, но за компьютер не села. Настроение уводило в молодость, в то время, когда больше доверяла сердцу, чем уму, когда писалось стихийно, вопреки всем литературным канонам, и надежд было больше, чем уверенности в себе. Достала пишущую машинку, верно прослужившую своей хозяйке много лет. Открыла футляр, сдула пыль, прикоснулась с забытым трепетом, словно к клавиатуре рояля. Но отщёлкать мелодию первой, уже звучащей в уме фразы, не смогла – лента высохла, каретку заедало, ослабший рычаг не передвигал лист.

Усталость навалилась мгновенно, словно того и ждала. Она дотащилась до кресла, моля Бога, чтобы подольше не заходил в комнату муж – отвечать на вопросы сил уже не было. Но в голове складывались, рассыпались, металась самые необычные мысли. Почему-то подумала о том, что никогда не стремилась к славе, наградам, довольствуясь открывающей нужные двери известностью. Но где-то глубоко, в подсознании, всё же теплилось, а сейчас жгло желание оставить после себя на земле не просто след, а долгую благодарную память.

Жизнь как самолет может двигаться только вперед, и ушедшего времени не вернуть, как ни бейся. И никакой, даже самый яркий роман, убедительный трактат, мудрейший фолиант не решат проблем страны. Историки, философы – все бессильны. Политика, экономика, бизнес как кони, закусившие удила, несутся непонятно куда, сметая на своем пути всё, топча сорняки и благородные посева, дробя долларовыми подковами черепа и судьбы. И правят ими «денежные мешки»... Что можно противопоставить этому? Силу праведной воли, бескорыстную самоотдачу?.. Не утопические грёзы о справедливости, а бойцовский дух правозащиты, истинности и чести.

Есть ли способ и средства, не ввергая государство в новые катаклизмы, наставить его на путь истинный?.. Ну, пусть для начала как для разведки не

всю страну, а хотя бы её заповедную область, что зовется «Авиация». Где глубже, а значит, более стойки нужные для жизни традиции, где ответственность за действия и слова определяется ценой жизни. Где ещё не стерты понятия чести, достоинства, где всегда была выше духовность, острее выражен патриотизм. Где доверительнее содружество людей земли и неба, потому что иначе человеку в полёте не выжить... Хотя бы ради обороны страны, пока не поздно, надо поднимать, выхаживать военную авиацию как обессилившую в борьбе со штормами истощённую птицу, которая умеет и хочет летать! И возродится Феникс... Только дайте нужную пищу, дайте испить Неба, не запирайте в клетку бессмысленных ограничений.

Лишь пронизательному журналисту, владеющему информацией прошлых лет, вобравшему в себя атмосферу и события настоящего времени, с надеждой и верой глядящему в перспективу ближнего и далёкого будущего, эта тема по плечу. Только писателю, в совершенстве управляющему словом, только человеку, беззаветно преданному небу и лётчикам... Находясь в непрерывном диалоге с Всевышним, владея методологией получения новых знаний – декодирования потока жизненных событий...

«Заносит!.. – корила она себя. – Как в юности, как неразумную, невесть что возомнившую о себе девчонку, которая впервые увидела свою фамилию под небольшой зарисовкой, напечатанной в газете. Словно трудно прожитая журналистская жизнь не умудряла, не наказывала, не ставила порой в тупик...» – страх и радость тормозили, мешая сосредоточиться, и Кто-то шептал одобряющие слова из дали прожитых лет.

Сомнения окружали как рой шершней, пытаюсь ужалить в самые уязвимые и незащищённые места. Но с поразительной, пугающей прозорливостью она уже ощущала условно-предметные контуры ещё не написанного произведения. Оно объёмно уходило в пер-

спективу неизвестного как одушевлённое, подвижное строение – живой организм, фантазией рождённый Образ с разновременными уровнями общественных и авиационных проблем. С конкретными и ещё невнятно проявившимися людскими судьбами, с полётами как полный вдох и бесцельным ожиданием на земле, словно затянувшийся выдох. С чрезвычайными происшествиями – лётными и личными, с ненавязчивой мужской дружбой и многоликой женской любовью.

...А потом была кухня, ночь, когда все спали, бодрствовала только она с карандашом и стопкой бумаги, в колдовской атмосфере полётов, в силовом поле чужих энергий, загадочным, необъяснимым образом преобразующихся в ней. Она видела давно знакомые мужественные и обыкновенные лица, и этих парней в безлюдном музее, и то, насупленное, с колючим взглядом, из писем, надолго забытое и неожиданно выплывшее на свет.

Всё двигалось, изменялось, проявляясь ярко или уходя в тень. Мысленно сплеталось как объёмное кружево из суровых цветных и металлических нитей. Путь каждой нити был затейлив, непредсказуем, но понятен в своей логической неизбежности. Зримый образ произведения, казалось, был наполнен атмосферой чувств, энергиями жизни. Он был чётко ограничен по ширине и глубине времени, но бесконечен по протяжённости осознания божественного полотна, созерцая, читая которое, можно будет уяснить суть прошлого, современного, будущего, тонкий мир человеческий и себя – хрупкую частичку Вселенной, вплетенной в целостное Мироздание.

Документально-художественный роман жил в ней крылатым существом, которое уже выходило на взлётную полосу. С какой-то неестественной, пронзительной ясностью она знала, что и как будет писать. Соединив прошлое и настоящее ради будущего, которое нельзя, созерцая, ждать. Надо делать его сегодня, если опоздали вчера.

Она встала и подошла к окну, открыла форточку. Жадно вдохнула поток свежего, холодного воздуха. Он напоминал аэродромный ветер, и на противоположной стороне проспекта низкими редкими звёздами светились окна домов. Ей казалось, что она начинает жизнь заново.

... Светало. Муж безмятежно спал, забыв погасить свет. Она подняла с полу газету, выключила его бра.

Постельное бельё обняло приятной прохладой. Голова плавно опустилась на подушку... Нет, куда-то дальше, глубже. За ней пошли вниз плечи, всё тело плашмя словно проваливалось, его затягивало глубже, глубже! как пылесосом.

По обе стороны тела возникли широкие, скользкие полосы. Бесшумный поток уносил, в его чёрно-серых струях штрихами проскальзывали красные блики. Боли не было, лишь легкий испуг и неприятное чувство нескончаемого падения, которое надо было немедленно прекратить.

Она попыталась сесть, но тела не ощутила. Руки, ноги, голова – всё было неподвижно, не подвластно ей. Она не могла даже закрыть глаза и видела противоположную стену с овальной фотографией мамы.

Надо разбудить мужа, пока поток не утянул куда-то вниз, где было то, чего надо бояться... Она собрала силы и крикнула, но голоса не услышала, даже губы не шевельнулись. Кричало что-то внутри неё и почему-то «ма-ма!»

Неосозанным, интуитивным чутьём она понимала, что если хоть на мгновение ослабит сопротивление, произойдет непоправимое... Не с ней, а со всем окружающим миром, в который уже никогда не вернуться.

«Только не сейчас... Я еще должна...» – обрывки мыслей удерживали сознание, не давая потоку захлестнуть с головой и залить чернотой глаза.

Надо заставить себя сделать движение, хотя бы пальцем руки шевельнуть. В долгой, сложной жизни было достаточно риска, острых моментов, и

воля никогда не подводила. Надо сконцентрировать все чувства, подчинить все мускулы одному-единственному движению...

Тело медленно обретало плоть, но было ещё чужим, вялым и размытым. Серые скользкие полосы истощились постепенно, потом разом слиплись.

Облегчённо закрыв глаза, она лежала, приходя в себя, ослабев от усилия и испуга, понимая, что на этот раз «пронесло». Ничего не болело, только сердце билось напряженно и торопливо, пытаясь наверстать замороженное время.

Голова была пустой, словно поток выдул из неё все мысли.

«Первый звонок прозвенел... – подумала она легко и спокойно. – Грешно терять время. Его и так утекло слишком много».

У каждого в жизни была или будет ночь, а может, день, который меняет ход времени. Когда обычные мысли, понятия неведомо чьими усилиями сдвинутся со своих насиженных мест, и Душа осознает всё по-новому, созерцая явления, свою и чужие судьбы взглядом со стороны. И отрезок жизни, уже пройденной, обретёт истинный вес своих достоинств, ошибок, вины. Человек перед собой предстанет нагим, просвеченным памятью, которая живёт даже тогда, когда стараешься запечатать её семью печатями и держать узницей за семью замками.

Эта ночь меняла её судьбу решительно и незаметно. В душе что-то окончательно отмирало и смело нарождалось вновь. Одни сбрасывают «кожу» сразу, как змея, выползая из своей оболочки. А в ней всё отшелушилось, отболело постепенно, как корочка запекшейся крови на ссадине. И, оставаясь по эту сторону бытия, в старом теле, она рождалась обновлённой, с умноженными силами для борьбы, с дерзкими мыслями и творческими желаниями, на новом уровне осознания Бытия. Рождалась, возможно, лишь на часы, дни, а может, на грядущие годы – всё зависело от разных

причин, которые суетно и неотвратимо встретят её на рассвете и будут множиться по мере наступления дня. Дня крещения или отпевания ещё младенческой и такой ранимой сейчас души...

«Надо встать, надо спешить. Писать, писать... Я всё смогу, всё успею... Или уже никогда не будет неба высокого? Никогда...»

...Она не знала, что на дальней полке книжного магазина, мимо которого проходила каждый день, а иногда и заглядывала, что-то покупая, лежит книга. Обычного формата, средней толщины.

На серовато-голубой, как рассветное небо, обложке – пара сверхзвуковых истребителей. Чуть выше – фамилия автора. Простая, от старославянского, ставшего теперь редким, имени.

2005–2006

